

18+

АНАТОЛИЙ ЛАНДЫШЕВ

Синеусая траурница

Анатолий Ландышев

Синеусая траурница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71869324

ISBN 9785006587014

Аннотация

Поиски неизвестной бабочки приводят русского профессора в древний Китай, где он находит подтверждение одной загадочной легенды

Содержание

Пролог. Соседи	5
Глава 1. Странное письмо	12
Глава 2. Блицкриг	30
Глава 3. Путевые заметки	46
Глава 4. Госпиталь	62
Глава 5. Чемодан	78
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Синеусая траурница

Анатолий Ландышев

© Анатолий Ландышев, 2025

ISBN 978-5-0065-8701-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Соседи

*Мы сами заводим друзей, сами создаем врагов,
и лишь наши соседи – от Бога.*

Гилберт Кит Честертон

– Коля, открой окно! – раннее воскресное утро началось для Земноводного с уличных воплей. Большая, неуёмная Лидия привычно колотила по водосточной трубе, проходящей рядом с окном профессора. – Я ведь знаю, что ты не спишь. Открывай!

Всякий раз, когда соседка пронзительно верещала во дворе и ломала несчастную трубу, Николай жалел, что купил квартиру на первом этаже. Профессор даже обещал себе подыскать другое жильё, чтобы настырная Лида не беспокоила, но постоянно откладывал, зная упрямый характер соседки. К чему лишние хлопоты? Прудкина и наверху достанет... В принципе, профессор Земноводный был неприхотлив, но его всегда раздражали громкие звуки. Особенно по утрам! Именно поэтому Николай Петрович ненавидел будильники. За много лет он привык ложиться в определённое время и самостоятельно просыпаться, чтобы с утра неспешно позавтракать, привести себя в порядок и совершить небольшую полчасовую прогулку к родному институту. Здесь, на кафедре биологии, Земноводный преподавал

курс энтомологии и славился среди нерадивых студентов как самый придирчивый профессор, которому лучше не попадаться на экзаменах.

Однако накануне произошло исключительное событие в жизни скромного и замкнутого учёного. Коллега с кафедры успешно защитил докторскую, и после официальной части приятели, как это принято в научных кругах, приступили к «небольшому чаепитию». К своему стыду, Николай Петрович немного увлёкся в распитии спиртного и поздно лёг. Ничего бы страшного не произошло, поспи он подольше, но сегодня у профессора была запланирована встреча, о которой рассеянный энтомолог, по своему обыкновению, начисто забыл. К сожалению, а может, к счастью, Лидия Марковна прекрасно помнила о встречах профессора, поскольку Земноводный ей многое рассказывал. Вот и вчера он доверчиво упомянул про китайцев, а теперь сильно горевал об этом. Между тем Лида упорно барабанила пухлой рукой по трубе, привлекая внимание всего двора:

– Коль, ну просыпайся! – кричала она за окном. – Не могу ведь я одна пойти на рынок, вдруг меня обидит кто?

«Вряд ли в городе найдутся такие желающие, – подумал Земноводный. – Попробуйте обидеть эту внушительную даму, да ещё разодетую во всё розовое». Профессор усмехнулся и открыл окно.

На самом деле Николай Петрович очень уважал и ценил свою соседку, ласково называя её Лидусей, хотя в отношениях с другими женщинами вёл себя официально, не давая им поводов сблизиться. Лидия Марковна жила одна, детей у неё не было. Когда Земноводный поселился во дворе, она тут же посчитала своей прямой обязанностью блюсти «этого хиленького стручка, чтобы он хорошо кушал, одевался теплее и не водился с плохими людьми». Лидия пыталась лезть во многие события из жизни обожаемого учёного – постоянно, но безуспешно, надоедала полезными советами, следила за его внешним видом и вела счета. Большая соседка охотно играла заботливую мамочку, оберегая Земноводного и наставляя даже в мелочах. Профессор давно смирился с этими чудачествами, добродушно посмеиваясь – опека ему не требовалась, а иметь рядом человека, с которым порой можно поболтать по душам, никому не навредит. Конечно, госпожа Прудкина была весьма вздорной особой, шумной и непосредственной, но её доброта перекрывала все недостатки. Она, действительно, стремилась помочь, невзирая на редкий гнев и протесты Земноводного, да и зла не таила... У соседей не было общих увлечений – бывало, ссорились даже, умудряясь оставаться хорошими, преданными друзьями. И каждый дорожил этой дружбой.

– Ну хватит, Лидусь. Не дёргай трубу. Ты будешь заходить? – вежливо справился профессор, но Лида упрямо помотала головой. – Нет? Ладно, я быстро. Сейчас оденусь, –

пообещал Земноводный, – вот только побреюсь ещё.

– А бритва у тебя старая, небось, – тут же перебила Лидя, – тебе обязательно надо купить новую! Слышишь, обязательно! Я читала в одном журнале, что на старых бритвах...

Земноводный не стал вникать в эти псевдонаучные дебри. Что может серьёзного произойти со старой бритвой? К ней подход только один – острая или нет. Возраст тут совсем ни при чём. Профессор демонстративно закрыл окно и направился в ванную.

Через некоторое время Николай Петрович выбежал из подъезда, и Лидуся сразу бесцеремонно прицепилась под ручку, продолжая ехидничать:

– Ты погляди на него, а! Ради соседки он не бреется. Ходишь вечно, как алкаш, заросший. А тут для китайцев решил навести марафетик, – дама приняхалась, – даже одеколоном надушился. Вот такой ты и есть!

– Они очень культурные люди, – тоскливо отозвался Земноводный, пытаясь приноровиться к широкой поступи соседки, – да и одеколона мне не жалко!

– Конечно, не жалко ему! Ты про одеколон-то и не помнишь. Я тебе когда дарила? На двадцать третье февраля!

– Перестань, Лидия! При чём здесь февраль? И не вздумай позорить меня перед иностранными гостями!

– Я тебе добра хочу, Коля, а ты никак не поймёшь! Вот

сам посмотри – ботиночки чистенькие, рубашечка... Побритый, одеколончиком вкусно пахнет. Жених! Приятно с таким мужчиной прогуляться!

– Глупости! Вот если не прекратишь, без тебя пойду! – насупился Земноводный, высвобождая руку.

– Ну ладно, чего уж сразу надулся? Мне ведь тоже на китайцев поглядеть хочется. Не буду больше!

Помирившиеся соседи направились к рынку. Рынок находился недалеко, но Земноводный с нетерпением ожидал конца пути, порядком утомившись от Лидиной болтовни. Соседка сама выручила Николая. Заприметив группу скамеек, она поспешно направилась к одной из них и, грузно опустившись, облегчённо вздохнула:

– Уф, Коля, давай передохнём! Жарко сегодня, – суетливая подруга тут же извлекла из сумки очередной «жёлтый» буклет и стала обмахиваться. – А ты бы мне рассказал, как познакомился со своими китайцами?

Николай нахмурился. Если говорить про китайцев, придётся поведать ещё кое-что. Профессор задумчиво погладил подбородок. «Всё-таки не добрил! – с сожалением отметил он. – И правда, пора бы купить новый станок». Но это мелочи, опомнился профессор. А вот стоит ли сообщать подробности? Лидуся – известная болтуня. Любая информация очень быстро становится достоянием всех соседей во дворе, с которыми женщина бурно обсуждает различные новости,

скандальные статьи, телепередачи... Поразмыслив немного, Земноводный тут же пристыдил себя. Действительно, спутнице можно доверять. Например, всякие щекотливые моменты его личной жизни, да и профессиональной тоже, посторонним неизвестны. Лида умеет хранить важные секреты, а всем остальным щедро делится с окружающими. За такое доброе и полезное качество Николай Петрович особенно ценил свою взбалмошную подругу. На всякий случай он уточнил:

– Лидия Марковна, это очень важно! Никто не должен знать.

– Коля, ты меня обидеть хочешь! – женщина даже вскочила от возмущения. – Я не понимаю, что ли?

– Ладно, – обречённо махнул рукой Земноводный и присел рядом, – давно хотел тебе рассказать. Дело в том, Лидуся, что я государственный преступник.

– Государственный преступник! – с восхищением прошептала приятельница. – Коля, ты кого-то убил?

– Скажешь тоже, – недовольно пробурчал Земноводный. – Не буду больше говорить! Начитаешься всяких журналов, одни глупости на уме.

– Коленька, пожалуйста! – взмолилась соседка. – Давай, не томи. Я ведь никому... Обещаю!

– Обещаешь? – строго спросил Николай.

– Честное пионерское, – торжественно ответила Лида, – и комсомольское тоже!

Земноводный улыбнулся. Для поколения, которое выросло в Советском Союзе, это не пустые слова, их многие люди до сих пор воспринимают как клятву. Он откашлялся, словно на лекции, и приступил:

– Я тебе всего не расскажу, не хочу подставлять людей. В общих чертах проясню. Это связано с моей поездкой. Я недавно был в Китае, – профессор спохватился и воровато огляделся. Убедившись, что поблизости никого нет, Николай Петрович продолжил рассказ: – А всё началось с одного письма...

Глава 1. Странное письмо

*Всё несчастье моей жизни происходит
от писем или от возможности их писать.*

Франц Кафка

– Николай Петрович, а вы привезёте полотенчико? – счастливая Леночка ворвалась в кабинет. – Розовое, махровое...

– Леночка?! – тонкие листы авторской монографии, с которой работал профессор, обрадованно вспорхнули со стола, разлетевшись живописным веером. Земноводный поспешно кинулся ловить драгоценные записи, но опоздал. Обернувшись к секретарше, он укоризненно процедил: – Ну, что же вы... Извольте потрудиться и прибрать!

– Ой, простите, – девушка быстро присела и собрала с пола листы. – Ничего страшного, они у вас пронумерованы. Вот так! – Елена с важным видом водрузила стопку бумаг на стол и затараторила: – Николай Петрович, привезите мне полотенце, пожалуйста. Большое, с рисуночком...

– Да какое, к чертям собачьим, полотенце? – заорал Земноводный, теряя терпение. – Откуда привезти?

– Розовенькое, – испуганно пролепетала секретарша. – Из Китая! Ой, а вы ещё не знаете?

Профессор смущённо кашлянул. Леночка ему очень нравилась. Правда, Земноводный не решался поговорить с ней – разница в возрасте, и всё такое. Ещё неизвестно, как отнесутся к его заявлению. «Поди, обидел, – запоздало мелькнуло в голове. – Но и сама хороша! Вечно без стука». Отогнав от себя житейские мысли, профессор вернулся к основной теме. Девушка ведь не зря прибежала, а Николай Петрович любил порядок во всём, особенно в информации. Нарочито небрежно указав на стул, он тут же распорядился:

– Ладно, извините... Давайте по порядку!

Елена послушно присела на краешек стула, доверительно наклонившись к учёному:

– Николай Петрович, я почти разбирала. Вы скоро поедете в Китай!

– В Китай? – удивился тот. – А что там за мероприятие?

– Международная конференция энтомологов. Азиатская секция учёного сообщества, – торжественно повторили перед ним текст письма, – приглашает мистера Земноводного для участия...

– Тихо-тихо! Когда вылет? – перебил профессор. – Какая повестка? А доклады? Мне нужно готовить доклад?

– Ой, да вы не волнуйтесь, – девушка робко взглянула, соскочила с места и побежала к выходу. – Конференция через месяц. Я потом принесу письмо... А полотенчишко-то купите?

– Куплю, куплю, – ободряюще улыбнулся Земноводный, делая себе пометку. – Большое и розовое. Обещаю!

Брякнула дверь, процокали каблучки, удаляясь по коридору, а Николай Петрович задумался. Безусловно, милая секретарша опять перепутала – в научном мире всё строго регламентировано. В этом году съезд энтомологов будет в Варшаве, где Земноводный хотел выступить с докладом об особенностях поведения овсяных долгоносиков и представить, наконец, коллегам свою монографию. Неужели организаторы перенесли такое значимое событие на полгода раньше, да ещё в Китай? Надо проверить... Профессор не любил компьютеры и редко прибегал к их помощи, невзирая на насмешки более продвинутых коллег, но в данный момент решил изменить своим правилам и навестить программистов. Этим ребятам он доверял. «Везде должны работать профессионалы, – подумал Николай Петрович, – тогда и порядок будет».

– Петрович, всё нормально, – толстый молодой сисадмин резво защёлкал по клавишам, а затем повернул монитор к гостю. – Есть письмо. Правда, оно на английском. Вот, читай!

– Вы знаете, Антоша, я забыл очки в кабинете, – сокрушённо признался Земноводный. – Давайте, я вернусь за ними?

– Да погоди, профессор. Я тебе сам озвучу, не проблема, – Антон тут же, на ходу, приступил к переводу. – Азиат-

ская секция ассоциации энтомологов имеет честь сообщить о конференции, посвящённой нимфалидам. Кто такие нимфалиды, Петрович?

– Бабочки... Читайте дальше, прошу вас!

– Ну ладно, – сисадмин пожал плечами и повернулся к экрану. – Значит, так. Десятого мая, в Чэнду.

– Ого, куда их занесло, – удивился Николай Петрович. – А почему не Пекин?

– А может, в этом Чэнду что-то есть, откуда я знаю?

– Ничего там интересного нет, – бросил Земноводный. – Во всяком случае, для энтомолога. Музей динозавров, да парк этих медведей... забыл, пятнистые такие.

– Панда, что ли?

– Панда, панда, – рассеянно ответил гость. – Чушь какая-то. Бред! Конференция будет в Польше, план составлен год назад. Антоша, друг мой, я пойду, пожалуй! Это чей-то дурацкий розыгрыш. Студенты, скорее.

Расстроенный профессор ушёл к себе, а сисадмин придвинул клавиатуру и начал быстро набирать на ней, бурча под нос:

– Розыгрыш, говоришь? Не бойсь, Петрович, найдём мы твоего шутника. Всё равно наследит, даже с динамичным айпишкой... Ага! Решил с Антошей потягаться? Будешь знать, как профессоров моих обижать.

– Петрович, у тебя компьютер есть? – Антон позвонил вечером, когда Земноводный готовился ко сну.

– М-м-м, – залепетал профессор. – А в чём, собственно, дело, Антоша? К тому же поздно.

– Объясню! Нашёлся твой шутник.

– Давайте завтра обсудим, – отрезал собеседник, но любопытство учёного взяло верх. – Это всё-таки розыгрыш? И кто там? Мой студент?

– Да я не знаю, кто он! – обычно неторопливый Антон явно нервничал. – Серьёзные ребята!

– Антон Сергеевич! – Земноводный вспыхнул, окончательно развеяв сонливость. – А вам не кажется...

– Не кажется, – рубанул сисадмин, сходу возвращая непонятливого слушателя на место. – Скоро пропадёт архив, который адресован тебе.

– Какой архив?

– Петрович, давай при встрече. Говорю же, времени нет, – Антон был категоричен. – Так есть компьютер или я свой заберу?

– Нет у меня никакого компьютера! Телевизор есть, – Земноводный почему-то смутился и прошептал, – цветной, японский.

– Эх, придётся системник переть... Так, стоп! Ещё переходник взять. Ладно, профессор, ставь чайник. Скоро буду. Программист бросил трубку, а Земноводный задумался.

Антон, хоть и позволял себе вольности в общении, всегда был тактичен. А тут звонок на ночь глядя. Какая муха его укусила? Да ещё этот загадочный архив, который должен исчезнуть. Бред, одним словом!

– Интересно, интересно, кому же я понадобился? – профессор заходил по дому, поминутно обращаясь к часам: – Где Антон? Сколько можно ждать... Терпение, Земноводный!

Он успокоился и решительно устремился на кухню, где вскоре засвистел чайник, а чуть позже всю квартиру заполонил божественный кофейный аромат.

– Тут понимаешь, Петрович, – Антон быстро разматывал провода, подключая компьютер к телевизору, – начал я шарить по твоему письму. Протоколы смотрю, а хостинг-то местный.

– Хостинг, протоколы, – развёл руками Николай. – Я ведь не компьютерщик!

– А, да... Не бери в голову. Короче, письмо не из Китая пришло.

– Кто-то пошутил?

– Пошутил, пошутил, – Антон нахмурился. – Думаю, там правительственная организация! Космос или оборонка. Меня сразу отрубило, а потом откатом пришёл архив. Где он, чёрт побери? – сисадмин пролистал список файлов и нашёл

документ с лаконичной надписью «Земноводному».

– М-да, – профессор растерянно поглядел на свою фамилию. – Ничего не понимаю!

– Вот и я не понимаю, что за дрянь! Файл вскоре исчез. Ладно, я копию успел... Но тут счётчик врубился. У нас сорок минут, Петрович! Пароль нужен.

– Приступим! – распорядился энтомолог. – И главное, не спешим, Антоша, думать будем.

Запустили документ. По экрану пробежала синяя полоса, показывая процесс загрузки, а затем взору искателей открылось белое поле. В центре торчала сетка из семи квадратов, а под ней – таймер, отсчитывающий обратное время.

– Можно вводить любые буквы, – Антон нажал пару кнопок, – они в квадратах пишутся. Но тут ещё, – программист покрутил колёсико мышки: – Вот, Петрович, смотри. Я думаю, это подсказка.

Земноводный приблизился к телевизору:

– Ну-ка, что у нас? Если это и подсказка, она весьма странная, не находите? – вызывающе спросил он, разглядывая крохотную пометку внизу. – Вот, что такое «Фри-72», Антоша?

– Ну не знаю... Картошка, может? – Антон мечтательно зажмурился. – Хрустящая такая. Вкусная!

– Да, ерунда! Как-то глупо... Ничего не приходит в голову.

– А если это год, Петрович?

– Год? – оживился профессор. – Ну, конечно! Картошка! Семьдесят второй... Антоша, вы гений! В институте мы, действительно, ездили в колхоз. Боже мой!

– Петрович, не время! Ты думай, что могло быть там, на этой вашей картошке. Пароль из семи букв!

– Простите, Антон, – смущённо улыбнулся Земноводный. – Ностальгия! Мы были такие молодые, такие безрассудные. Я помню, как-то на спор съел мухомор...

– Стоп! – закричал Антон. – Ещё раз. Что ты съел?

– Мухомор, а что? Жив, как видите!

– погоди... семь букв, – программист тут же ввёл пароль. Экран потемнел, а в центре опять появилась полоса загрузки. – Хм, получилось! Ну надо же, мухомор съел... Смешной ты, Петрович.

В это время в телевизоре показалось поле и несколько строчек с различными значками, квадратиками и цифрами.

– Нет! – отчаянно закричал Антоша. – Битый файл. Петрович, прости. Тут уже ничего не сделать.

– Спокойно, молодой человек! – усмехнулся профессор и насмешливо передразнил приятеля: – Битый файл? Это банальная криптограмма! В институте мы такие щёлкали, как орехи. – Земноводный вновь обратился к экрану и с воодушевлением изучил строчки, торопливо делая пометки на листке бумаги: – Эй-би-си, раз-два-три. Так, ключ нашёл. Всё ясно!

– Что ясно, Петрович?

– Очень просто. Там английский текст. Цифрами! Вон, смотри, корни, плюсы, умножения... Математические примеры, однозначно! Всё остальное – шелуха и антураж!

– Антураж, так антураж, – Антон поёрзал в кресле. – Ладно, каюсь, я затупил чуток. Ну, допустим, разгадали примеры, а дальше?

– Числа узнаем, буквы точнее. Порядковые номера в алфавите. Вот и новый пароль, – Земноводный неуверенно потыкал клавиатуру, внимательно разглядывая экран. – Угу, в последнем квадратике... Ну-с, мой юный друг, садимся за парту задачки решать.

– Ага, вижу. Молодец, профессор! Пиши алфавит, я тут с математикой посижу, идёт?

Друзья приступили к решению. Программист вооружился калькулятором, а Земноводный искал нужную букву в алфавите. Вскоре они получили набор.

– Не выходит, – обиделся Антоша, набрав текст. – Что-то мы упустили!

– Упустили, – задумчиво повторил Николай, созерцая буквы. – Может, их надо переставить?

– Шарада?

– А почему бы и нет, давайте попробуем. Кстати, сколько времени осталось?

Антон отыскал таймер и удовлетворённо кивнул:

– Нормально! Дай-ка сюда, – он бесцеремонно вытащил

из рук профессора листок с пометкой «KRINCILGEC» и забормотал: – Ух, чудно! Кринцилгес. Крин, криц, цин... не то! Гни, гесин, кицин, кинг...

– Тихо, – Земноводный поднял руку. – Кинг! Король. А если отбросим, что у нас получится из других букв?

Программист послушно зачеркнул лишнее. Некоторое время он разглядывал текст, а затем просиял:

– Сёркл! Круг! Король Круга? Король Артур и рыцари круглого стола?

– Я уже догадался, – тихо ответил энтомолог. – Артур, кто же ещё. Крижницкий Артур, мой бывший друг.

– Почему бывший?

– Он увёл мою жену. Впрочем, дело прошлое, неважно... Пойдём пить кофе, – Земноводный приподнялся и направился в кухню. Перед выходом профессор обернулся: – Антоша, введите, пожалуйста, это имя. Думаю, там высветится номер.

Помощник быстро вбил текст и обрадовался, увидев на экране новые цифры:

– Действительно, телефон, – он переписал номер и потянулся. – Ну ты и голова, профессор! Как ты эту криптограмму... Да, кофе не помешает! Петрович, а перекусить ничего нет?

– Найдём, конечно! Где-то у меня были пельмени. Вы любите пельмени?

– Кто же их не любит? Как там у классиков? Готов упасть

я на колени пред тем, кто выдумал пельмени, – засмеялся Антон.

Весь день Николай Петрович маялся на работе, пока наконец-то не решился позвонить. Крижницкий взял, однако был немногословен. Пообещав всё рассказать при встрече, он уточнил дату, время, назвал адрес и бросил трубку...

«Прометей», где Артур назначил встречу, располагался в глубине небольшого сквера. Могучие вязаы и клёны, мощёные родонитовые дорожки, квадратные фонари, замысловатые чугунные лавочки и даже ограждение территории – всё было искусно стилизовано под старину, являя собой образец респектабельности и надёжности. В целом, это было тихое, уютное место, известное как...

– Самый дорогой ресторан города, – с тоской произнёс Земноводный, разглядывая содержимое кошелька. Заметив ухмыляющегося швейцара, Николай Петрович торопливо спрятал бумажник и с гордым видом подошёл к двери: – Мне назначена встреча!

– Разумеется, – серьёзно ответил привратник, сдерживая улыбку. Невзрачная фигура в старом песочном костюме никак не вязалась в его глазах с престижным обликом посетителей.

– Вы так и будете стоять, загородив проход, – ехидно спро-

сил проницательный профессор, – или вернёмся к своим прямым обязанностям? Я ведь могу и до начальства дойти!

– Ох, да. Простите, – засуетился швейцар, открывая дверь. – Добро пожаловать, господин!

– Земноводный! – процедил Николай. – Профессор Земноводный, прошу учесть на будущее.

В итоге Николай Петрович окончательно испортил себе настроение. Стремительно ворвавшись внутрь, он столкнулся с новым человеком, но даже не подумал извиниться.

– Где Крижницкий? – сходу заорал профессор на администратора в холле. – Как его найти?

– Пожалуйста, ведите себя тише, иначе я вызову...

– Всё в порядке, Серёжа, – раздался позади сочный бархатный голос, – это мой гость!

Николай Петрович порывисто обернулся. Голос Артура ни с чем не спутать. В молодости он даже пел, и довольно неплохо. Что тут сказать? Артур раньше был таким преуспевающим красавчиком. Высокий, мускулистый, обаятельный. Черноволосый, кудрявый, кареглазый. С крупными чертами лица и чувственным ртом – он всегда нравился женщинам и охотно пользовался этим. Идеальный набор в облике, унаследованном от польских предков. Всё это было одобreno хорошими аристократическими манерами, и главное, широким кругозором и могучим интеллектом. Красив, умен, богат. Неудивительно, что Анжелика не устояла перед Крижницким и сбежала от Николая... Конечно, с годами Ар-

тур слегка подрастерял свой былой лоск – заметно пополнил и поседел, но сохранил жизнерадостность! Вот и сейчас он насмешливо глядел на давнего друга.

– А ты не изменился, Коля. Такой же бузотёр. Ну, здравствуй, – Артур протянул большую, мясистую ладонь.

Земноводный не стал колебаться и крепко пожал руку. Двадцать лет прошло. Чего уж делить сейчас? Они были лучшими друзьями в институте, несмотря на разные факультеты, и жили в соседних корпусах. По давней студенческой традиции факультеты вечно устраивали взаимные разборки и погромы. На одной из таких сходов они встретились, будучи врагами, и неплохо подрались, расквасив друг другу носы. После побоища молодые люди заключили перемирие, а вскоре очень быстро подружились. Николай сперва считал Артура избалованным маменькиным сынком, а потом изменил мнение, уважая Крижницкого за интеллект и принципиальность. Артур, хоть и сын обеспеченных родителей, сразу при поступлении отказался от семейных денег. Как и многие люди, выбрав проживание в общежитии, он ещё в студенчестве познал все прелести самостоятельной жизни, многому научился и упорно добивался целей.

За плечами друзей осталось немало совместных приключений, пирушек, праздников, а также лишений, неурядиц и проблем. Казалось бы, эта дружба никогда не закончит-

ся, но тут появилась Анжелика. Удивительно, но эта красивая, роскошная девушка выбрала Николая, они вскоре поженились... и так же быстро развелись. Земноводный не смог простить ни ей, ни Артуру измену. Он не стал затевать скандала, оборвал все отношения с другом и переехал в другой район города. С тех пор в жизни Николая Петровича не было постоянных женщин. Да и близких друзей тоже. Профессор Земноводный с головой окунулся в науку, посвятив себя энтомологии, и все эти годы жил скромно, умеренно, аскетично.

– Здравствуй, Артур, – тихо ответил Николай. – Ты потолстел!

– Есть немного, – рассмеялся Крижницкий. – Веду неправильный образ жизни. Жена меня откормила.

– И как она? – голос учёного предательски дрогнул.

– Наташка? Да нормально. У нас двое детей... Ах, вон ты про кого подумал! Ещё любишь ту шлюшку? Не возражай мне, – зная манеру Земноводного взрываться по любому поводу, Артур пресёк это в корне. – Анжелика сбежала от меня через пару месяцев. Ей снова захотелось приключений на стороне. Забудь, Коля! Из-за этой твари я потерял лучшего друга.

– Давно забыл. Вот только давай без пафоса! Не верю, что ты позвал для ностальгии. Кстати, мог бы позвонить, к чему эти дурацкие шарады?

– А мне понравилось, – довольно усмехнулся Артур. – Ну

прости, дружище. Я решил тебя немного взбодрить. Сам догадался или помог твой программист? Кстати, талантливый парнишка, передай ему привет.

– А откуда ты знаешь? – удивился Николай, но приятель небрежно отмахнулся:

– Да просто всё, Коля. Я там хитрый алгоритм прилепил. Без хорошего сисадмина не обойтись. Навык должен быть... Удачно я про мухомор вспомнил, так ведь?

– Да уж, – проямлил профессор, – только о мухоморах я и думаю.

– Ну ладно, это просто шутка. Конечно, я бы позвонил. Но ты ведь знаешь...

– Знаю! Ты всегда любил театральные эффекты.

– Что есть, того не отнять, – развёл руками Крижницкий. – Пойдём за стол, перекусим. О финансах не думай, пустое... Будет разговор, Коля. Серьёзный разговор.

Перед ужином Артур взял слово с Николая, что тот не станет задавать вопросов и раздражаться до конца трапезы. По мнению Крижницкого, даже учёному не стоит прибегать к предметным размышлениям в это время. К ужину надо подойти серьёзно, обстоятельно. Открыв свою духовную сторону, насладиться вкусом и тончайшими оттенками, проникнуться блаженством, позабыть все житейские проблемы и задачи. В общем, еда – это святое, а поговорить можно и потом. Нетерпеливый Николай сперва ёрзал как на иголках. Страсть

настоящего исследователя к новым событиям, новой информации! Артур не пригласит по-пустому. Он физик – должен понимать всю занятость людей науки... Но ужин был, действительно, превосходным. Земноводный вскоре отвлёкся, искренне восхищаясь выбором блюд. Вкус у Артура был безупречным, надо отдать должное.

– Николай, как ты считаешь, – Артур извлёк сигарету, прикурил и пододвинул пачку собеседнику, – может ли человек взять себе некий предмет, если он соавтор? Речь идёт о моём изобретении.

– Ну не знаю, – протянул Земноводный, – я тут не силён. Авторский патент есть?

– Нет, конечно. Это частный вопрос. Понимаешь, в последние годы я трудился в таких узких сферах, что не могу афишировать свои наработки. Да и все патенты сразу отходят государству.

– Правительство, космос и оборонка? – Николай вспомнил недавний разговор с программистом.

– Именно так, – кивнул Крижницкий. – Наша фирма периодически получает секретные заказы в силу специфики работы. Безусловно, все сотрудники находятся под пристальным вниманием служб безопасности. Не буду ходить вокруг. Ты мне нужен как специалист. Уверен, тебе самому будет интересно.

– Не люблю поверхностную беседу! – требовательно сказал давний друг. – Я должен всё знать. Потом подумаю о помощи... И с чего ты решил, что мне интересно?

– Посмотрим. Я покажу сейчас два письма. Забавно, правда? В последнее время тебя преследуют письма. Одно было на польском, я перевёл. Второе на английском. – Артур прищурился и ехидно ляпнул: – А ты язык ещё не позабыл? Перевод есть, не волнуйся.

– Опять издеваешься? – буркнул Николай. – Я учёный или кто? Если ты хотел пошутить, будем прощаться. Давай информацию, чёрт побери!

– Тихо-тихо! Ну, что ты так реагируешь бурно? Будет тебе информация, Коля! Оригиналы позже. Они в сейфе. Но переводы я захватил. Они точные, можешь не сомневаться. Мы ведь друзья. Я тебя разве обманывал когда?

– Нет, разумеется! – желчно вставил Николай. – Особенно когда спал с моей женой!

– Сколько можно ворошить? А может, я решил загладить вину? – Артур смутился и заметно нервничал, хотя и пытался бравировать. – Наберись терпения, прошу! Мне больше некому довериться.

Земноводный угрюмо кивнул, задумчиво посмотрел на пачку, а затем взял сигарету. Николай редко курил, только при важных размышлениях, но он прекрасно понимал Артура. Конечно, тот любил разыгрывать всех, но, если речь заходила о серьёзных вещах, Крижницкий не позволял себе

никаких глупостей. Судя по всему, у него возникла проблема. Большая такая, глобальная проблема! Но для того и нужны в мире учёные, чтобы решать задачи. Или друзья, чтобы выручать. Надо помочь старому другу!

— Я согласен, давай свои письма.

Крижницкий благодарно улыбнулся, молча извлёк из портфеля два конверта и положил их на стол...

Глава 2. Блицкриг

*Размышления могут изматывать
не меньше, чем напряжённый бег.*

Эрих Мария Ремарк

Земноводный открыл первый конверт и приступил к чтению. Скорее всего, Артур не стал переводить весь документ, ограничившись ключевым фрагментом, но сохранил общий стиль, приятно порадовав Земноводного. Письмо было подписано неким Йозефом Пшиковским и рассказывало... «А это уже интересно, – оживился профессор. – Экспедиция Маружицкого в Китай». Сигизмунд Маружицкий – известный энтомолог. Автор многочисленных работ о насекомых-вредителях в сельском хозяйстве и садоводстве. Работал в Польше, Российской империи и Болгарии. Заведующий кафедрой энтомологии в Варшаве, председатель польского энтомологического союза... Однако в научном мире не было сведений о китайской экспедиции. Йозеф почему-то не поставил дату. Очень любопытный документ, открывающий новые страницы в деятельности прославленного учёного.

Пшиковский пишет, что в результате схода лавины в предгорьях Дасюэшанского хребта, экспедиция была отрезана

от перевала, и путешественники несколько дней спускались по боковой стороне горного кряжа, а вскоре вышли в небольшую долину. Земноводный быстро пробежался глазами по описанию спуска, не вдаваясь в подробности. Безусловно, всё завершилось хорошо, раз польский профессор потом вернулся, да и письмо нашло адресата. Его привлёк фрагмент, как Маружицкий обнаружил в одном месте бабочек. Если верить Пшиковскому, это новый вид! Спиралевидные булавовидные усики голубого цвета, размах крыльев около восьми сантиметров, цвет тёмный, голубая окантовка... Описание бабочки было дано вкратце, что не позволяло делать скоропалительных выводов, но Николай знал всю методичность и обстоятельность подобных исследований. Вряд ли Маружицкий стал бы громогласно заявлять о новом виде без тщательной проверки, а здесь и латинское название имеется – *Nymphalis caerulemustachesis*. Синеусая траурница. Интересно, интересно. В классификациях Земноводный такую бабочку не встречал! Жаль, что нет рисунка. Но есть экземпляр! Польский учёный отловил одну особь, поместив в герметичную колбу. Почему он не опубликовал свою работу? Николай с воодушевлением погрузился в текст. Помощник профессора говорит, что он попытался заснять бабочек. А бокс-камеры появились где-то в 1890 году. Вот оно! Приблизительное время экспедиции. Где, где эти снимки? А их нет, оказывается. Завод не смог проявить плёнку. Она была расплавлена? Это ещё что за глупости? А дальше началась

совсем непонятная история. Бабочки пришли в движение. Они массово взлетели в воздух и начали хаотично метаться перед путешественниками... А вскоре оба исследователя почувствовали странную слабость, недомогание. У Маружицкого даже пошла кровь носом. Учёные пришли к выводу, что в этом уголке скапливаются какие-то газы либо влияют сами горные породы. Они покинули место и больше туда не возвращались. О дальнейшей судьбе экспедиции Пшиковский не сообщил.

Земноводный завершил чтение и задумался. Неизвестная науке бабочка. Синеусая траурница, как назвал её польский энтомолог. Поразительная находка, заставляющая исследователя отодвинуть в сторону текущие дела и полностью погрузиться в изучение нового материала. Маружицкий так и не опубликовал данные своей экспедиции. Но это может сделать Земноводный! Долг настоящего учёного – открыть всему миру правду о работах коллеги. Николай был честным служителем науки и не допускал мысли о присвоении заслуг другого человека. Этот доклад можно озвучить на конференции, которая будет через полгода. С другой стороны, где доказательства? Плёнка, если она где-то сохранилась, странным образом повреждена. Записей самого Маружицкого тоже нет, как и экземпляра бабочки. Коллеги просто засмеют за подобные сказки. Факты, нужны факты. А пока ничего неизвестно. Приблизительное место находки и короткие све-

дения в письме.

- Артур, ещё есть письма? Про Маружицкого?
- По тем фактам, что ты прочёл, больше ничего.
- Да, но тут... Такое открытие! Надо искать, доказывать!
- Потом, потом, – категорично возразил Крижницкий. – Коля, читай второе письмо. Обсудим, конечно. Кто говорил, что хочет знать всё? Вот и приступай к изучению, коллега.

Второе письмо было коротким. Наши современники утратили изящное искусство эпистолярного жанра. Предки писали красиво, обстоятельно и детально. Читать такие письма – одно удовольствие, словно книгу. Фантазия работает, представляешь себе образы, мысли собеседника более понятны... Однако, надо отдать должное, факты интересные! Письмо написал коллега Артура, оно изобиловало терминами, формулами и схемами. Коллегу зовут Рагни, он пишет о каком-то приборе. Николай мало понял в специфичной терминологии. Прибор анализирует поля, что-то там с потенциалами, сверхволнами и магнитными возмущениями. Рагни живёт теперь в Китае. Где-то в предгорьях Дасюэчанского хребта (снова этот хребет, отметил Земноводный) индус обнаружил странное место, а его прибор зафиксировал превышение параметров. Учёный заинтересовался этим фактом и спустился в небольшую долину, плотно окружённую скалами. Здесь было немного растительности, летали бабочки. Тёмные, достаточно крупные, с голубыми окан-

товками крыльев и усиками такого же цвета. «Так, стоп, – насторожился Земноводный. – Описание совпадает». Николай с азартом продолжил чтение. Интересно, этот технарь не догадался отловить бабочку? Нет, конечно... Бабочки внезапно всполошились, поднялись в воздух, начали метаться и кружиться. От мельтешения у физика заболела голова, поднялось давление, участился пульс. Он уже имеет проблемы со здоровьем, вот и следит за собой. А тут ещё прибор начал выдавать странные параметры, показав несколько предельных амплитуд. Замелькали контрольные цифры на дисплее, экран замерцал и вскоре отключился. Состояние учёного резко ухудшилось, он с трудом выбрался из расщелины, добрёл до своего автомобиля и уехал в Чэнду. В дальнейшем у Рагни обострились давние проблемы с сердцем, и он теперь лечится в одной частной больнице. К сожалению, прогнозы неблагоприятные...

Китайский хребет, маленькая долина и бабочки! Очень похоже, что письма рассказывают об одном и том же месте. С другой стороны, до конца непонятна связь бабочек с прибором. Силовые поля, какие-то энергии, полярности, сингулярности. Едва уловимая догадка скользнула в мыслях, но тут же пропала. Не хватает, не хватает информации! Надо хорошенько обдумать, найти базовые точки и наметить стратегию в исследованиях. Вопросы, одни вопросы. И только совместными усилиями можно решить эту задачу. «Спа-

сибо тебе, Артур! – с теплом подумал энтомолог. – По иронии судьбы наши науки переплелись».

– Так, мой друг, – решительно сказал Земноводный, – очень много вопросов. Обсудим! Я спрашиваю, ты отвечаешь. Быстро, не думая. Мозговой штурм.

– Режим блицкриг, – обрадовался Артур. – Как в молодости?

– Именно так, – кивнул Николай. – Ты готов?

– Разумеется, – улыбнулся Крижницкий. – Поехали!

– Кто такой Йозеф, откуда письмо?

– Сватался к прабабке, писал письма. Домашний архив.

– Принято. Рагни – это твой коллега?

– Раджаникант Надкарни. Физик из Индии. Мои расчёты, его прибор.

– Пока не запомню, пусть Рагни. Идём дальше. Маружицкий? Точно тот самый?

– Да. Энтомолог. Упоминался в других письмах. Бабочка известная?

– Не знаю такую. Новый вид, но это ещё надо доказать. Эндемик, возможно.

– Неплохо, – довольный Крижницкий размял ладони. – Есть отсылки к месту. Можно найти.

– Дасюэшань, Сино-Тибетские горы, – согласился Николай. – Поехали дальше. Что делает прибор?

– Фиксирует отклонения в базовой структуре полей и порядке тактовых частот. Находит сдвиги физических кон-

стант, привязан к магнитному потоку и гравитации.

– Без деталей, суть, – потребовал профессор.

– Двери в другие измерения.

– Однако, – крикнул Земноводный. – Куда вас занесло!

Артур усмехнулся, театрально пожав плечами:

– Потому и секрет, Коля. Давай, прервёмся немного. Кофейку? – Земноводный благодарно кивнул, друг тотчас налил кофе, а сам направился к камину. – Надо бы размяться.

Курительную комнату оборудовали в традиционном английском стиле. Здесь стояли кожаные кресла, горел камин. Рядом располагался низкий кофейный столик, а на стенах, забранных панелями из тёмного дерева, висели пейзажи фламандских живописцев. Физик немного погулял по комнате, разглядывая картины, затем постоял у огня и вернулся к беседе.

– Меняемся, – сказал Артур. – Моя очередь. Ты готов? Связь бабочек и прибора?

– Не пойму. Не вижу механизмов, – Земноводный отставил чашку и включился в игру. – Может, он сам так работал?

– Нет. Он запущен в поисковом режиме. Обратный процесс пока в теории. Налицо внешнее воздействие.

– От бабочек? – насмешливо уточнил Николай.

– Очень похоже. Взял информацию от них. Что можно взять от биологических объектов?

– Материал какой-нибудь. ДНК, например.

– Совсем другой принцип работы. Нет реактивов и анализаторов. Воспринял форму и цвет?

– Глупо. В природе полно вариантов. Есть похожие структуры: цветы, насекомые, камни, палки...

– Соглашусь, – ответил Артур, – это принципиально! Как насекомые повлияли на устройство?

– Забились в щели, замкнули контакты, выпустили жидкость. Ультразвук, как вариант. Генерировать поле они не могут.

– Могут! Напомню про серию амплитуд. Оставим механизм. Причины?

– Не знаю, – Земноводный откинулся в кресле, закинув руки на затылок. – Живое существо. Ареал, инстинкты сохранения. Общие закономерности. Территория, забота о потомстве.

– Отсюда согласованность действий?

– Ну да, коллективная агрессия. Там что-то значимое для них, – внезапно профессора посетила неприятная мысль. Бабочки не просто охраняют, они всё-таки создают помехи. Это и на самих исследователях отразилось, и прибор показал. Земноводный торопливо взял письма, перечитал тексты и нашёл доказательства: – Похоже, ты прав. Тут пишет Йозеф про эффекты, а здесь твой коллега. Везде проблема с техникой и здоровьем. Только во второй раз хуже. Такое чувство, что эти бабочки...

– Обучаются, передают опыт и усиливают воздействие, – закончил Артур. – Звучит невероятно, да?

– Почему нет? Раджаникант, правильно? Он пришёл с прибором, бабочки увидели угрозу, – усмехнулся Земноводный. – Вполне укладывается в адаптивную поведенческую модель.

– Угу. Я не придавал этому значения, опираясь на формулы и параметры.

– А я опираюсь на физиологию, инстинкты, биологические закономерности. Ну и оцениваю последствия для организма.

– Ты молодец, всегда любил твои мозги. Подведём итог. Бабочки охраняют территорию, как-то хитро влияют на человека и устройство. Вдобавок, они обучаются и фиксируют опыт почти столетней давности. Это реально, это возможно в совокупности? Как ты сам думаешь?

– Хватит! Никак я не думаю, – разозлился энтомолог. – Это форменная чушь! Нет таких живых существ на Земле! Если только это не...

– Продолжай, друг, – грустно сказал Артур.

– Если только это не существо из другого мира, – закончил Николай свою безумную мысль.

– Или искусственно созданные объекты, но я не знаю таких технологий, – торжественно произнёс Крижницкий.

– М-да, – тоскливо протянул Земноводный, – зелёные человечки. Это настолько несуразно и дико, что сразу внуша-

ет доверие. Слишком разные письма по хронологии, а связь есть. Синеусая траурница, неизвестный вид. Но где-то у Маружицкого хранился экземпляр. Вот бы найти, изучить!

– Постараемся... Поздравляю! Ты пришёл к тем же выводам. Похоже, наши коллеги обнаружили мощный источник энергии. Внеземной объект, портал в новые миры или другая чертовщина, – Артур раскраснелся и соскочил с места. – Я хочу выяснить, с чем мы имеем дело, однако мне нужна помощь. Недавно пришло письмо из госпиталя, – Крижницкий скривился, потёр виски и глухо продолжил: – Говорят, Надкарни умер. Вроде бы, он указал меня в завещании. Можно забрать прибор вместе с бумагами и расчётами. В последнем письме Рагни дал пароль.

– Прими соболезнования... А ты не сможешь поехать из-за своей работы под колпаком, так ведь?

– У меня вторая форма. Подписка о неразглашении, подписка о невыезде, – криво усмехнулся Артур. – Долго будут согласовывать. Можно и полгода протянуть, а времени нет.

– Значит, я поеду в Чэнду, – решительно произнёс Николай. – Придётся врать коллегам про конференцию.

– Зачем врать? Письмо есть. Официальное! Я ведь старался, – в шутку обиделся товарищ. – Купи программисту хорошего коньяка, он никому не расскажет.

Месяц пролетел очень быстро. Николай писал моногра-

фию, вёл лекции, бегал в посольство и оформлял визу... По вечерам он занимался английским языком и старательно повторял за диктором, слушая магнитофон. Безусловно, Земноводный понимал и неплохо читал, лишь изредка пользуясь словарями, но должной разговорной практики не было. Артуру удалось задеть самолюбие профессора. Язык подучить не мешает! Сам Артур плотно приступил к расчётам. У него появился допуск к особо секретной установке, физик решил не упускать шанс и засел в лаборатории. У друзей закрались сомнения насчёт бабочек. Логичнее предположить, что в самих горах имеется аномальный участок, чем думать о насекомых. Без прибора это трудно доказать, говорил Артур, но попробовать можно. В письме Рагни привёл ряд вычислений, и Крижницкий отработывал очередную версию. На связь он не выходил, на телефон не отвечал. Правда, адрес госпиталя и пароль сообщил сразу, а потом вручил Николаю приличную долларовую пачку, невзирая на его протесты. В общем, колёсики шустро завертелись, впереди ждёт Китай и мифическая конференция.

Идею поездки руководство сразу одобрило. Никто не стал перепроверять информацию, доверившись авторитету энтомолога. А сам Николай принёс коньяк и заручился поддержкой сисадмина. Антон одобрил и сразу накидал список компьютерных запчастей. «Купишь, Петрович? Там немного, в коробочку всё войдёт». Одной коробочкой не обо-

шлось. Прибегали сотрудницы, упрасывая привезти полотенца, зонтики, очки, постельное бельё, косметику и прочую мишуру. Приходили коллеги с более серьёзными проблемами – купить какого-нибудь алкоголя, сигар, и так далее. Заявок набралось на приличный чемодан. И даже не один. В итоге Земноводный плюнул и всем отказал. Кроме Антона и секретарши Леночки, раз уж пообещал ей в самом начале. Это был очень суетливый, нервный и насыщенный месяц. Николай Петрович с нетерпением ожидал вылета и новых инструкций от друга. А Крижницкий тянул резину, не выходил на связь, позвонив лишь накануне:

– В общем, любопытные дела, Коля. Место простенькое, ничем не примечательное, на первый взгляд.

– Неужели бабочки? – порывисто закричал Николай. – Надо найти их!

– Экспедицию нам с тобой не потянуть. Хребет большой, ищи хоть год. С прибором можно попробовать, не спору. Если заложить в него базовые константы и методично просматривать по сдвигам.

Николай, памятуя о нюансах работы друга, опасливо спросил:

– А ничего, что мы с тобой по телефону...

– Ты про секретность? – засмеялся Артур. – Не волнуйся. Это личный телефон, давно уже глушилка стоит.

– Кто стоит? – не понял Земноводный.

– Разговоры не отследить. Ты меня совсем не уважаешь,

что ли? Так вот, повторяюсь, место простое, рядовое. Но бабочки каким-то образом активируют структуру пространства, меняя ряд параметров...

– И что происходит?

– Происходит развёртывание условного кармана. В обычное время он спрятан, скажем так, и в нашем измерении не виден. После активации площадка в горах становится аномальной. Такие дела, Николай. Мы были правы, а Рагни удалось найти другое измерение.

– Потрясающе! – воодушевился Земноводный. – Какие возможности для науки!

– Рано ещё о возможностях думать, – отрезал друг. – Одно дело найти, другое дело проникнуть. А для этого надо изучить и доработать прибор. А его нет! Потом поменять полярности, генерировать поле, задействовать мощный источник энергии. Ещё провести бы разведку, запустить зонд какой-нибудь. Другое измерение, Коля! Какие там факторы, кто его знает. Опасно ведь!

– Да, извини, – пробормотал Николай. – Я уже в мечтах... А ты сможешь это сделать?

– Разумеется, только понадобится много времени. Надо протестировать, активировать обратный режим... Давай пока займёмся текущими делами. Постарайся найти записи Рагни, а там посмотрим.

– А бабочки, – разочарованно протянул энтомолог, – они хоть живые?

– Откуда мне знать. Не грусти, Коля. Найду я твоих бабочек, обещаю, – Артур помолчал и добавил. – Там, где-то на подходе курьер. Он принесёт тебе аппаратик. Такой же, с глушилкой. Будь на связи. Давай, дружище. Счастливой тебе дороги.

Курьер вскоре прибыл, вручив коробку. Там была массивная трубка с антенной, а сзади на корпусе Крижницкий приклеил записку: «Номер прямой, других нет. Зелёная кнопка». Николай повертел устройство. Две кнопки: зелёная и красная. Наверное, одна для связи, а вторая выключать. Пригодится, решил профессор, убирая трубку в багаж. Скоро, скоро в Китай, подбадривал он себя. Нервозность последних дней дала о себе знать. Николай быстро поужинал, особо не разобрав вкуса, так же быстро принял душ, побрился. Помыл посуду, проверил холодильник, повесил костюм на вешалку, выбрал галстук. Спать, надо спать, немного отдохнуть от всего. Ночью прибудет такси. Ничего хоть не забыл? Зная за собой неприятную черту – рассеянность в бытовых вопросах, Николай ещё раз скрупулёзно проверил чемодан. Документы здесь, билеты тут. Вещи собрал, такси заказано. Совсем не спится! Надо что-то поделывать отвлекающее. Чем бы заняться? Может, почитать? Не хочется, категорично подумал Земноводный. И тут его взгляд упал на телевизор. Точно! Немного поглазеть, потом выпить кофе и со-

бираться в аэропорт. Профессор лениво перелистывал каналы, смотрел фрагментами, снова листал...

Внезапно позвонил телефон. Программист Антон опять спрашивает, есть ли компьютер. Земноводный разозлился, наорал за неуместные шутки, бросил трубку. Тут постучали в двери, пришёл бледный человек в старомодном костюме. Протягивая руки к профессору, он визгливо прохрипел про Дасюэшань и голубую окантовку. Голубая, слышишь, Земноводный? Из кармана незнакомца торопливо выползла здоровенная кобра и свилась кольцом у ног профессора. Йозеф, а это был именно он, откланялся и пошёл к окну. Открыв створку, он неуклюже вылез на улицу. В окно тут же залетел классический факир, но в солнечных очках. Бросив большой кожаный мешок на пол, он старательно пошарил в нём, но вместо дудки извлёк плоскую коробочку. Индус нажал кнопку и торжественно, голосом Крижницкого, произнёс непонятный технический монолог о влиянии серебра на квантовые среды. Закончив тираду, факир высоко подпрыгнул и повис на люстре, ловко зашвырнув свои солнечные очки в открытый мешок, а змея внизу закружилась на месте и стала увеличиваться в размерах. Вскоре вместо змеи перед профессором вращался вихрь, почему-то розового цвета, он ускорялся, ускорялся... Взрыв, вспышка! Окружённая золотистым сиянием к Земноводному важно шла Леночка. Короткое розовое полотенце, обёрнутое вокруг голо-

го тела, нисколько не скрывало роскошной фигуры девушки. Она шла, призывно покачивая бёдрами. На пути Елены стоял маленький столик, а на нём телефонный аппарат. Леночка небрежно столкнула телефон на пол, он обиженно зазвонил...

Телефон! Николай окончательно проснулся. Надо же, это был сон! Какой замечательный, бредовый, интересный и забавный. И с девушкой. Профессор смутился своим мыслям. Давно он не видел таких ярких снов. Удивительно! Решил посмотреть телевизор и не заметил, как задремал... Телефон стоял на обычном месте и настырно звонил. «Надеюсь, это не Антоша», – усмехнулся Земноводный и взял трубку.

– Слушаю!

– Это такси. Вы заказывали в аэропорт на два ноль-ноль, верно?

– Да, верно.

– Машинка через полчаса прибудет. Белый «Форд». Ожидайте!

– Жду! Конечно, жду, – закричал обрадованный профессор и быстро приступил к сборам.

Глава 3. Путевые заметки

*Посмотри на мир. Он куда удивительнее снов.
Рэй Брэдбери*

Профессор торопливо собрался, вышел из подъезда и стал ждать машину. Вместо обещанного «Форда» почему-то приехала старая синяя «Рено», к тому же без фирменного знака такси. Хмурый молодой водитель в спортивном костюме приоткрыл окно и буркнул:

– Долго стоять будем? Такси вызывали?

– Да. Вы в аэропорт? – растерялся Николай. – А где белая машина?

– Он заболел, – как-то неуверенно произнёс таксист. – Меня дёрнули.

Земноводный не стал возражать. Мало ли, какие бывают обстоятельства у людей! Николай Петрович сел рядом с водителем и брезгливо поморщился. Салон был грязным, невзрачным. «Ну ладно, – оптимистично подумал профессор, азартно разглядывая ночной город, – это временные неприятности. Всего лишь такси». В последнее время работа так сильно его поглотила, что не было возможности просто выйти, поглазеть и отвлечься. Город жил насыщенной, яркой жизнью. Огни, фонари, рекламы, движение машин, пешеходы. Несмотря на позднее время, всё это бурлило, сверкало,

перемещалось. Земноводный пребывал в отличном настроении. Учёный смотрел в окно, прижимая к груди старенький походный чемоданчик, и улыбался своим мыслям. Машина выехала за город. Появились длинные бетонные заборы, склады и пустыри. Промышленная зона. Освещение заметно убавилось, а дорога стала хуже.

– А почему мы поехали здесь? – настороженно спросил профессор. – К аэропорту дорога через проспект.

– Авария там. Пробка, – нехотя ответил водитель. – Так быстрее.

«Странный водитель, – подозрительно подумал Николай. – Зря я сел. Надо следить в оба». Настроение тут же улетучилось. Николай крепче взял чемодан, лихорадочно обдумывая, как поступить. То, что перед ним не таксист, понятно и дураку. Какой-то дёрганный, необщительный, везёт пустырями. В это время у водителя зазвонил телефон. Он вздрогнул, крутанул руль, схватил одной рукой мобильник, пытаясь нажать кнопку, и случайно включил громкую связь.

– Алло, чувака перехватил? – раздался хриплый басок в трубке.

– Здесь, – ответил водитель, бросив косой взгляд на Николая.

– Там хоть без палева? Как отработаешь, рви когти. А подогрев потом скинешь.

– Понял, – ответил таксист и отключился.

«Бандиты, – сообразил профессор, вспоминая жаргонные

словечки. – Спокойно, Земноводный». Мысли быстро забегали, выбирая правильный вариант. Напасть первым? Дорога узкая, канавы везде. Рисково. Занесёт вдруг, опрокинет. Надо бежать! А если он с оружием? Посмотрим, подумал профессор и решительно произнёс:

– Остановите машину!

– А чё стряслось? Отлить надо?

– Да, да. Очень нужно.

Автомобиль затормозил. Николай, прихватив чемодан, отошёл в сторону. Водитель тоже вылез и стал протирать фары. «Пора», – решил Земноводный и побежал.

– Эй, мужик! Ты куда это? – раздался крик от машины. – Стой, говорю!

Профессор прибавил ход. По грунтовой дороге, усыпанной битым щебнем и строительным мусором, сильно не побежишь! Ещё чемодан мешает и больно бьёт по ноге. Николай быстро выдохся, но пытался уйти. А молодой бандит настигал:

– Да погоди же ты... Ух, блин, – в это время Земноводный, подгадав момент, перехватил чемодан двумя руками, резко развернулся и нанёс удар. Чемодан выскользнул, и профессор приготовился к драке. Накатил противный холодок и мелкая дрожь. Появилось гаденькое чувство страха и вместе с ним какое-то ожидание и упоение. Давно, давно не приходилось биться. А водитель отшатнулся и внезапно обижен-

но пробормотал:

– Да что за день такой? Не жрёшь, как собака мотаешься. И клиент дерётся. Да пошли вы все! – он грязно выругался и направился к своей машине. Так это не бандит, оказывается. Это настоящий водитель. Земноводный подобрал чемодан и неуверенно закричал вслед парнишке:

– Молодой человек!

– Чё тебе надо, дядя? – огрызнулся водитель. – Вали отсюда!

– Подождите, простите, – Николай торопливо семенил следом, – досадная ошибка!

Таксист остановился, повернулся к профессору и улыбнулся:

– А ты, походу, за бандюка меня принял, да? – водитель критично осмотрел себя. – Понял! Это из-за спортивки моей?

– Ну да, а ещё машина без знака. Ну и телефон.

– Так это Михалыч чудит, диспетчер, – загоготал водитель. – Вы тоже простите. Я сплю, мне звонят срочно. А машин нет. Ну, я погнал на своей. Клиент ведь ждёт!

– Как-то неловко вышло, – пробормотал Земноводный.

– Да ладно, бывает, – задорно ответил таксист, протягивая руку. – Николай!

– Ух ты. Я тоже Николай!

– Тёзка, значит. Очень приятно! Поехали, дядь Коль. В аэропорт пора.

До аэропорта ехали, оживлённо болтая. Молодой Николай недавно вернулся из армии и устроился в такси. Парень оказался общительный, добродушный. Извинившись за грязный салон, за низкий сервис, в качестве компенсации всю дорогу рассказывал забавные истории и анекдоты. Таксист весело шутил и искренне восхищался отвагой профессора, изредка трогая свою покрасневшую скулу. «Как ты меня треснул славно. Завтра фингал будет». В общем, по прибытию к терминалу они расстались добрыми приятелями. Земноводный честно расплатился, пожал руку тёжке и отправился к стойке регистрации.

Николай никогда не жаловал аэропорты, вокзалы, рынки, супермаркеты и другие людные места. Не сказать, что он чурался людей, обычно ему было всё равно, но он любил порядок. Одно дело, если ты присутствуешь среди единомышленников на каком-нибудь научном симпозиуме, где всё регламентировано, целесообразно. Идеи и мысли собравшихся подчинены общим задачам, а твой собеседник близок тебе по духу. Подобные встречи надолго остаются в памяти, воодушевляют и стимулируют. На вокзалах такого нет. Слишком много разных людей, много всяких целей. Хаос, одним словом. Это разностороннее движение всегда вносило дискомфорт в привычный мир профессора, вовлекая

в свой водоворот, порой лишая воли и подчиняя обстоятельствам. А Земноводный любил подходить к решению проблем со стороны, в качестве независимого наблюдателя, методично анализируя информацию, сопоставляя факты. На вокзалах он становился рассеянным, забывчивым и злым. Любая мелочь выводила его из себя, если это не было запланированным или предугаданным действием. Вот и сейчас он рассчитывал быстро закончить регистрацию, пройти в зал ожидания и спокойно выпить кофе. Но работники аэропорта рассуждали иначе.

Рейс был обозначен на табло. По расписанию, без задержек. Это радует. Профессор обожал пунктуальность. Он отстоял очередь, торопливо положил билеты и паспорт на стойку, подготовившись к дурацким вопросам. Но всё обошлось. Приятная девушка быстро просмотрела документы, выдала посадочный талон и сладко прошептала:

- Крупные вещи для багажа есть?
- Нет, только ручная кладь.
- Пожалуйста, взвесьте, – попросила девушка.

Земноводный послушно положил свой чемодан. Превышения нет, груз можно забрать с собой. Он не любил расставаться с привычными вещами, а в чемодане были ценные книги и справочники. За много лет профессор научился даже в дальние поездки брать минимум, обходясь без громоздкого багажа.

– Хорошо. Вы можете пройти в зал ожидания. Счастливого пути!

Обещанный счастливый путь ведёт через таможеню! Здесь профессор не волновался, ничего запрещённого он не провозит, поэтому уверенно направился по зелёному коридору. Внезапно, когда чемоданчик профессора проезжал по контрольной ленте через рентгеновское устройство, сотрудник остановил её, вызвал службу безопасности и обратился к профессору:

– Что за прибор у вас в багаже? Он задекларирован?

– Нет у меня никаких приборов! – обозлился Земноводный, начисто позабыв о телефоне Артура. – Фотоаппарат и бритва! Электрическая простая бритва.

– Бритву я видел, вашу «мыльницу» тоже! Я про другое устройство. Декларация есть? Пожалуйста, пройдите на досмотр.

Тут же появились сотрудники безопасности, не уступающие своими габаритами барным вышибалам. Один из них взял чемоданчик профессора, а второй вежливо произнёс:

– Будьте добры пройти с нами.

Пристыженный Николай направился с охраной в служебную комнату. Он вспомнил про телефон и ругал себя за рассеянность. Можно было просто ответить, а не скандалить на весь зал. С другой стороны, а где вы видели мобильный те-

лефон с двумя кнопками и без дисплея? Это как-то необычно. Тоже самое сказали охранники. Они попросили открыть чемодан, извлекли аппаратик с антенной и приступили к допросу.

– Это что?

– Ну это, – замямлил Николай, придумывая надёжное оправдание, – это телефон, м-да. Забыл совсем. На работе дали! Прямой номер для связи. Других номеров нет!

– Станный аппарат. Ты видел такие? – обратился сотрудник к товарищу.

– Больше на рацию похож. А так... обычный спутниковый.

– Декларировать не нужно?

– Если для личной связи, не нужно.

– А это точно телефон? – обратились они к Земноводному. – И он работает? Всего две кнопки? Как-то необычно.

– Можете проверить, – огрызнулся профессор. – Не задерживайте, прошу. Мне надо в Китай. Там конференция! Я учёный, – по какой-то причине Николай взял с собой письмо от Артура. Он торопливо вынул его из чемодана, благо вещей было немного, сунув бумагу под нос первому охраннику: – Вот! Читайте! Или вы не знаете английского? Я так и думал.

Массивный работник невозмутимо взял письмо и зачитал вслух:

– Азиатская секция ассоциации энтомологов имеет честь

сообщить о конференции, посвящённой нимфалидам... Кто такие нимфалиды?

– Бабочки! – заорал Земноводный, теряя терпение. – Сколько можно повторять? Я энтомолог, еду на конференцию.

– Тогда зачем такие меры? – бесстрастно продолжил сотрудник, протягивая аппаратик Земноводному. – Звоним!

– Куда, кому? – растерялся Николай.

– Вашему руководству, – язвительно парировал верзила, – других ведь номеров нет?

– Вы с ума сошли! Три часа ночи!

– Звоним! – категорично отрезал охранник, и в его голосе появились угрожающие металлические ноты.

Николай тяжело вздохнул и нажал кнопку. К его радости, Крижницкий не спал и быстро ответил:

– Николай Петрович, какие-то проблемы?

– Э-э-э, – пробормотал Земноводный, – Артур Мирославович, не разбудил? Тут сотрудники интересуются.

– Им понравился мой телефончик? – раздался довольный смех. – Ух ты, всего две кнопки, а как он работает. Так было? Не волнуйся, я уже не сплю. Дай-ка трубку ребятам, сейчас поговорим.

Профессор передал трубку охраннику, искренне надеясь, что Артур придумает хорошую версию. И друг не подвёл. Плечистый мордоворот сперва скептически послушал

Крижницкого, затем лицо его посерьёзнело, он постоянно бросал уважительные взгляды на профессора, поддакивал своему собеседнику и кивал головой. А из трубки периодически доносилось: «Государственные интересы... Международное сотрудничество... Видный учёный». Звучали какие-то незнакомые фамилии, номера и названия структур. Закончив разговор, охранник торжественно вернул телефон, и, спохватившись, протянул письмо, которое он сжимал в другой руке. Немного помедлив, он произнёс:

– Николай Петрович, приносим извинения за доставленные неудобства. Сами понимаете, у нас такая работа! Мы больше не смеем вас задерживать. Вас проводить в зал ожидания?

– Ничего, не волнуйтесь, – опешил Земноводный, – не нужно никакого внимания!

– Я понимаю, – важно кивнул охранник, открывая дверь. – Счастливого вам пути!

Что за бред? Откуда такие почести? Судя по всему, Артур наплёл этим работникам дичайшую и неправдоподобную историю о значимости Николая Петровича Земноводного в мировом сообществе и его роли в международных отношениях. И тем не менее, охранники поверили. А может, Крижницкий не врал, прикрываясь громкими именами? Ничего удивительного в этом нет, учитывая характер его работы. Профессору некогда было размышлять о всяких пустяках, надо завершать досмотр. Он дошёл до паспортного окна, где си-

дел очередной сотрудник. Тот быстро просмотрел документы, поставил печати и молча вернул. «Ну вот и всё, – облегчённо вздохнул Николай, – скоро полетим».

Людей в зале ожидания было меньше, никто не бегал взад-вперёд. Пассажиры спокойно сидели в креслах, тихо переговариваясь. Чтобы окончательно остыть, Николай сел на свободное место и приступил к чтению. Старый добрый чемоданчик приютил несколько справочников, блокнот для записей, набор карандашей. Верные спутники Земноводного. Вот и сейчас профессор решил освежить в памяти внешние признаки всех известных траурниц. Под краткое описание Маружицкого подходит только одна, с таким же ареалом обитания. Японская траурница. Бабочка тоже крупная, тёмная, с голубыми полосками. Однако никаких голубых спиралевидных усиков у известной особи нет. Очень хочется верить, что польский учёный обнаружил новый вид. А если это и не бабочки, а какие-нибудь механизмы, роботы? Земноводный до конца не верил в эту мистику. Прибор, открывающий другие измерения! С одной стороны, есть письмо Рагни, расчёты Артура и сам Николай согласился с доводами друга. Вроде бы, логично и обоснованно, но не верится всё равно! Слишком это далеко от фундаментальной науки, к которой привык профессор. С другой стороны, а что ему известно о последних технических достижениях? Ничего, лишь базовые знания. А наука не стоит на месте. Вот так живёшь се-

бе, изучаешь спокойно насекомых, а люди в это время находят другие измерения и стоят на пороге этих миров, готовые туда проникнуть. А в соседних реальностях могут оказаться такие же люди. Например, сидит там второй профессор Земноводный где-нибудь в аэропорту и размышляет о глобальных вещах. Николай усмехнулся. Прав Крижницкий, рано ещё думать о великом. На повестке дня – мелкие текущие дела. Надо сперва найти бумаги индийского учёного.

Николай взглянул на часы. До посадки оставалось не так много времени, но его как раз хватит, чтобы спокойно попить кофе. Воодушевлённый учёный проследовал к бару, заказал себе чашечку и присел за столик. В это время позвонил злополучный телефон. Артур, конечно. Других ведь номеров нет!

– Николай, по моим прикидкам ты ещё в зале. Ну что, отпустили тебя работники?

– Отпустили, – буркнул Земноводный. – Что ты им наплёл? Будто я важная птица какая.

– Ничего особенного, – засмеялся друг, – немного блефа. Имею доступ к ряду структур, назвал пару имён. Речь сейчас не об этом. Прости, не сообщил тебе сразу.

– Опять секреты и недомолвки? – насупился энтомолог. – Говори прямо, Крижницкий! Если я решил лететь, то обратно не поверну. Что у тебя?

– Дело в том, что я не знаю, когда именно умер Надкарни.

– Чего? – изумился Николай. – Ты же вот письмо получил. Месяц назад.

– Информацию прислали из нотариальной конторы. Они приложили письмо Рагни, где он зашифровал пароль.

– И сколько времени могло пройти с его смерти? – мрачно спросил Николай.

– Полгода или год, – нехотя ответил Артур. – Срок вступления в наследство. А как вступить? Единственное, что нам известно, это адрес госпиталя. Больше ничего, никаких зацепок. Тебе придётся найти следы. Я не могу помочь, Коля! Ну только деньгами, если что.

– А нотариальная контора? Есть же штамп на письме?

– Я пытался, но по этому адресу ничего нет. И где теперь находятся его записи, я не знаю.

– Очередная пакость от господина Крижницкого, – тоскливо отозвался Земноводный. – Дело усложняется. Я ведь не сыщик.

– Начни с госпиталя, а там подумаем. Удачи тебе, дружище. И знаешь, я рад, что мы снова вместе. Ты помнишь, какие вещи мы творили в молодости?

– Конечно, помню! – улыбнулся Николай, оживляя в памяти далёкие события. – И ещё сотворим!

– Верю, Коля... Ближайшие пару дней ты без связи. Я буду немного занят. Позвоню сам потом.

Николай буркнул в ответ, отключил аппарат и задумал-

ся. Артур в своём репертуаре. Подкинет проблему и пропадёт. Интересно, а сколько у него таких сюрпризов? Как бы не разочароваться... Подведём итоги. Где-то в Чэнду есть госпиталь, в котором примерно год назад лечился один учёный. Он умер, но осталось интересное изобретение и бумаги. Наследником является русский физик, забрать документы должен энтомолог, которого ждёт липовый нотариус в непонятном месте. Вдобавок, прямого самолёта нет. Придётся лететь до Пекина.

– Ну что, Земноводный, – вслух пробормотал профессор, – ты готов к трудовым подвигам? Всегда готов!

Подавив в себе злость, отчаяние, сарказм и дикое желание треснуть кому-нибудь в ухо, а лучше Артуру, чтобы неповадно было так издеваться над друзьями, профессор отправился на посадку. Вскоре он сел в самолёт и проспал там всё время, до посадки в международном аэропорту Шоуду.

Самолёт благополучно приземлился в китайской столице, а точнее в пригородном районе Шуньи. Оттуда Земноводный приехал в Пекин, где провёл несколько интересных дней, не упуская возможности погулять по новому городу и проникнуться его колоритом. К чему теперь спешка? Неделей раньше, недель позже. Можно погостить немного в самом Пекине. А город манил необычной архитектурой, красивыми местами, вкусной едой. Николай отдыхал и в шутку

мстил Артуру за навязанные проблемы, беззаботно транжиря деньги. Земноводный никогда не был в Китае и радостно погрузился в изучение столицы.

Пекину свыше трёх тысяч лет, это бывшая резиденция императоров. Профессор посетил несколько экскурсий по исторической части города, где до сих пор сохранились дворцы и старые постройки. Тут же современные высокие небоскрёбы дерзко и причудливо соседствовали с традиционными китайскими кварталами, хутунами. К сожалению, как и в других древних городах, можно прожить всю жизнь, но так и не узнать всех подробностей и достопримечательностей. В Пекине очень много закоулков со своей уникальной историей, как убедился Земноводный.

Но больше всего ему понравились старые кварталы. Хутуны – это замечательное, волшебное, контрастное место. Дома здесь построены хаотично, без какого-то генерального плана. Внешний вид этих жилищ тоже сильно разнится. Богатство соседствует с бедностью, грязь и нищета – с шиком и лоском. Здесь полно любопытных кафе, магазинов и заведений. А сколько всяких сувенирных лавочек! Обычно сдержанный Николай не утерпел и посетил с десяток магазинчиков, особенно радуясь бесчисленным коллекциям разноцветных насекомых. Старые хутуны – это идеальный приют для иностранцев. Именно сюда надо приезжать, чтобы

немного понять культуру Китая и набраться впечатлений. Красиво здесь, однако Николая Земноводного ждали другие дела. Пора выбираться из этого города. Между Пекином и Чэнду почти две тысячи километров. Николай оплатил экскурсию до Чэнду, присмотрев насыщенный и познавательный туристический маршрут, и ещё три дня отдыхал с небольшой группой людей, перемещаясь в уютном маленьком автобусе по провинциям Китая. Он никуда не спешил, путешествовал, созерцал живописные окрестности и радовался жизни.

И вот наконец, к восьмому дню пребывания в Китае, профессор оказался в шумном городе Чэнду. Дальнейшее путешествие профессора Земноводного до дверей больницы с трудным названием Йин Тяан Юмао, что примерно переводится как Перо Серебряного Лебедя, не заслуживает такого детального и объёмного повествования. Таксист привёз по адресу, и вскоре профессор стоял на пороге небольшого частного госпиталя, построенного годах этак в сороковых, или ещё раньше, если судить по внешнему виду. Возле госпиталя, где умер Раджаникант Надкарни.

Глава 4. Госпиталь

*Получил в наследство богатую пищу
для размышлений.*

Анатолий Рахматов

Старая двухэтажная больница, зажатая между двумя высотными зданиями, выходила на улицу только одной стороной, демонстрируя унылый, неухоженный фасад и небольшие квадратные окна. Для входа посетителей на узком, неудобном крыльце располагалась тёмная деревянная дверь, увенчанная табличкой, а с края дома под арку вёл автомобильный проезд, закрытый металлическими воротами. Здание было кирпичное, громоздкое, обветшалое. Такой дом с успехом можно разместить на старинных улицах любого европейского города, и никто не заметит разницы. Высокая, массивная дверь, длинная потёртая латунная ручка, потемневшая бронзовая табличка с непонятными иероглифами, английской транскрипцией и переводом: «Йин Тяан Юмао. Перо Серебряного Лебедя». Так порой выглядит офис второсортной адвокатской конторы или другое административное здание, но не больница. Место непонятное и малопосещаемое, судя по небольшой парковке рядом. Станный дом, в общем. Однако адрес точный, если верить таксисту.

Николай решительно потянул ручку, оказавшись в крохотном полутёмном помещении со вторым входом напротив. Он толкнул дверь, ожидая увидеть какой-нибудь обшарпанный холл, регистратуру, деловитый персонал в больничной униформе и весь тот антураж, который характерен для любого госпиталя, а вышел...

– Зимний сад! – восторженно произнёс Земноводный, созерцая тропические деревья, цветы, небольшой пруд с золотыми рыбками и фонтаном, узкие дорожки, вымощенные галькой, крохотные лавочки и огромный стеклянный купол, накрывающий всё это великолепие, которое до поры пряталось за мрачным старым фасадом. Зрелище было крайне неожиданным: под куполом тепло и светло, звуки снаружи не проникают, воздух свежий и сладковатый. Повсюду растут всевозможные кусты, деревья, густо унизанные разноцветными цветами, и летают...

– Тропические бабочки! – сдавленно прошептал Николай. – Огромнейшая коллекция. Поразительно!

Здесь было полно всяких бабочек, попадались и редкие экземпляры, которых очень трудно содержать. Удивительный и феноменальный труд работников госпиталя, отметил про себя профессор. Честь и хвала! Создать в таком замкнутом пространстве подходящие условия... Учёный тут же торопливо полез в свой чемодан, извлекая фотоаппарат. Это был простой японский плёночный фотоаппарат, позволяю-

щий делать цветные снимки. В народе их ласково называют «мыльницами». Тут не требуются специальные знания, аппарат работает в одном режиме, но при удачном ракурсе получаются вполне приличные картинки. Не запечатлеть подобную красоту было бы преступлением. Оказалось, всё не так просто.

– Простите, мистер, – раздался рядом взволнованный тонкий голосок. Земноводный обернулся, встретив миловидную хрупкую девушку в рабочем комбинезоне. Руки у неё были испачканы землёй, рядом стояло большое ведро с какими-то побегами. Девушка садовник умоляюще взглянула на профессора и добавила: – У нас нельзя фотографировать. Пожалуйста, уберите! Я потеряю работу.

– Но почему? – удивился Николай, с сожалением пряча фотоаппарат. – Такая прелесть!

– Это не мои правила. Я простой садовник.

– А поговорить с вами можно? Не возбраняется?

– Поговорить можно, – улыбнулась девушка, – только недолго. У меня работа.

– Я даже не знаю, с чего начать, – неуверенно начал Николай, – попытаюсь объяснить.

Разговор шёл на английском, и Земноводный с трудом подбирал некоторые слова, боясь, что его не поймут. Да и как обрисовать совершенно незнакомой девушке эту идиотскую ситуацию? Но если письмо написано в госпитале, можно

вскользь сообщить ряд моментов. С другой стороны, что может знать простой садовник о пациентах? Однако профессор Земноводный относился к тому типу людей, которые не упускают мелочей. Нужны зацепки? Вот и начнём с девушки.

– Понимаете, я энтомолог. Ищу человека, – решился наконец профессор, начав издаലെка. – Хочется прояснить вопрос с одной редкой бабочкой. Я слышал, у моего коллеги были проблемы с сердцем, и он лечился в вашем госпитале.

– Простите, – перебила девушка, – вы сказали сердце?

– Ну да, что тут удивительного?

– У нас не лечат такие болезни, – мягко возразили ему.

– Странно, – удивился Николай. – Он написал письмо. Сообщи́л про больное сердце.

– Больное сердце, бабочки, – укоризненно покачала девушка головой. – Вы посмотрите, сколько их тут! Конечно, наши пациенты видят бабочек.

– Я не до конца понимаю, – обиделся Николай. – Вы мне не верите?

– Вам верю, а ваш друг... немного ошибся, – она пыталась тактично донести мысль. – Дело в том, мистер, что здесь психиатрическая клиника! Извините, мне нужно работать.

Девушка грустно улыбнулась и вернулась к своим цветам, а Земноводный присел на маленькую скамейку, пытаясь привести мысли в порядок. Психушка! Выходит, индус приду-

мал бабочек, а его странное письмо – это безумие? Зачем он тогда завещал Артуру изобретение? А может быть, чего-то испугался? Или кого-то? Если Раджаникант, действительно, был психом... Опять вопросы, опять загадки. Надо бы посоветоваться. Земноводный достал телефон.

– Коля, я уж думал, ты навеки застрянешь в Пекине, – позлорадствовал Артур. – Недельку там гулял.

– Ты откуда видишь, где я гуляю, – огрызнулся Земноводный, – следишь за мной?

– Неважно, не бери в голову. Что у тебя?

– Ты знаешь, где лечился твой Рагни?

– Ага, знаю, – судя по голосу, Крижницкий явно издевается. – Ты, смотрю, добрался до сути. Молодец!

– Что значит, молодец! – взорвался Николай. – Сразу не мог сообщить про эту больницу? Почему ты водишь меня за нос и скрываешь факты? Хватит, Артур, – Земноводного понесло. Он обиделся и разошёлся вовсю: – Я возвращаюсь домой, а ты катись подальше со своими дурацкими измерениями и чокнутым Раджаникантом Надкарни, который всё это придумал в бреду и начеркал письмо... И бабочек никаких нет!

– Коля, Коля, – требовательно сказал Артур, – остынь! Про психушку сам недавно навёл справки. Я тоже идиот, потвоему? Столько лет мы работали с Рагни! Уйма расчётов и сотни опытов. Это уже не гипотеза. Это стойкая, обоснованная теория. Не знаю про прибор, но бабочки есть! Мару-

жицкий нашёл, Рагни их видел. Факты, Николай Петрович, факты!

– Извини, – буркнул Николай, устыдившись своей выходки, – что-то я погорячился.

– Бывает, друг! Что планируешь делать?

– Найду сейчас кого-нибудь из врачей, поговорим.

– Добро! Держи в курсе, – Артур отключился.

Николай рассеянно бросил телефон на край скамьи и погрузился в мысли. Почему в последнее время он начинает паниковать из-за любой ерунды? Построил себе цепочку, а когда что-то идёт не так, начинается ступор. Стареешь, что ли, Земноводный? Дудки! Итак, сравним данные. Версия номер два – индус был сумасшедшим. Что имеем для подтверждения? Слова девушки и Крижницкого про госпиталь. Это ничего не доказывает. Так стоп, оборвал себя профессор. Здесь что-то не так. Вернёмся к основной версии. Артур проводил расчёты и потом повторил их. Он на придурка явно непохож. Неизвестно, построил ли Рагни свой прибор, но в теории всё доказано. Оставим пока физику. Бабочки! Маружицкий на пару с Йозефом тоже сошли с ума? Не многовато ли психов для одного бедного энтомолога? Какие выводы? А всё просто. Прибор есть, он работает, бабочки есть и двери в другие измерения тоже. Рагни увидел, не хотел афишировать, спрятался в больнице и умер здесь... А ведь реально могли быть проблемы с сердцем. Предвидел свой исход, со-

ставил завещание и велел сообщить Артуру. Нормально, вот теперь сходится. Работаем! Профессор резко встал. Внезапно всё поплыло перед глазами, стало трудно дышать, и он начал терять сознание. Последнее, что он успел увидеть и понять – испуганные глаза девушки садовника, которая склонилась над ним и что-то кричала.

Николай очнулся на кровати. Сильная слабость, болит голова и хочется пить. Осторожно приподняв голову, профессор огляделся. Маленькое уютное помещение с белым потолком и светлыми стенами. Большое окно, где видно часть оранжереи. Комната пустая, на первый взгляд, лишь в изголовье кровати что-то мерно гудит, периодически издавая плакающий звук. «Реанимационный блок, – с удивлением отметил Николай. – Что со мной было? Похоже, упал в обморок». Помня о том, что находится в психиатрической клинике, Земноводный с усмешкой поглядел на себя, почему-то ожидая увидеть руки, пристёгнутые наручниками, штопанную больничную пижаму и толстые сдерживающие ремни... Никаких наручников не было, да и пижамы тоже. Он лежит в своей обычной одежде, с закатанным рукавом рубашки, а в сгибе локтя воткнута игла внутривенной системы. Задумчиво пробежав взглядом по длинной трубке, Николай узрел стандартную инфузионную стойку и пакет с раствором.

– Как вы себя чувствуете? – раздался позади женский го-

лос. – Пожалуйста, резко не вставайте. Я сейчас уберу систему, – появилась молодая женщина, очень похожая на девушку из оранжереи, но значительно старше. Она быстро извлекла иглу, заклеила ранку небольшой липкой повязкой и улыбнулась: – Ну а теперь медленно садимся. Всё хорошо?

Николай осторожно сел на краю кровати и угрюмо кивнул, сверившись со своими ощущениями.

– Только голова болит и пить хочется, – пожаловался он. – Долго я лежу?

– Нет, недолго, – женщина протянула ему стакан с водой, – держите. Если бы вы не ударились головой, всё бы прошло быстрее. Можно вставать. Только есть одна просьба, мистер!

– Слушаю вас!

– Отец выразил надежду, если вам это удобно, что вы зайдёте к нему перед уходом. Он хотел поговорить о важном.

– А он главный врач больницы, верно? С удовольствием зайду, – улыбнулся Николай и медленно встал. – Вы не проводите?

Николай ожидал увидеть что-нибудь колоритное, в традиционном китайском стиле, однако кабинет главного врача выглядел совершенно обыденно. Хороший стол, компьютер, пишущий набор на столе и веер разбросанных документов с жирными пометками. На стене позади владельца висят всевозможные дипломы, лицензии, несколько маленьких

семейных фотографий и огромный портрет руководителя страны. В данном случае там был изображен Цзян Цзэминь. На одной стороне кабинета стоит группа стульев, а на противоположной – серия шкафов. Под потолком негромко шуршит кондиционер, а в углу приютился небольшой чайный столик и пара удобных кресел. В общем, типичный кабинет руководителя. Китайский врач работал у компьютера. Завидев Николая, он торопливо выбежал навстречу, протягивая руку.

– Как чувствует себя наш пациент?

– Надеюсь, до этого не дойдёт, – пошутил Земноводный, – это же психиатрическая клиника.

Доктор оценил шутку. Он радушно улыбнулся и представился:

– Меня зовут Веньян Тоу, это моя больница. Небольшой семейный бизнес, так сказать. А вы у нас?

– Николай Земноводный. Я профессор энтомологии. Мистер Тоу, я к вам по одному делу.

– О, о делах потом, – засуетился доктор, извлекая из нагрудного кармана маленький фонарь. – Позвольте я вас осмотрю, – он посветил по очереди в каждый глаз Николая, затем пощупал пульс и радостно сообщил: – Ну вот, всё в порядке. Небольшое сотрясение, но это вскоре пройдёт. Вы упали в обморок. Хорошо, что Лиджуан была рядом. Девочка так испугалась! Мы быстро вас дотащили, положили под капельницу, сделали обследование. Угрозы нет, не волнуй-

тесь.

– Простите, – смутился Николай, – я доставил вам столько хлопот! Сколько я должен?

– Глупости, глупости. Это всё пустяки. Даже не переживайте, – ответил китаец. – Ну что же мы стоим? Давайте присядем. Может, чаю? – доктор достал сотовый телефон и быстро что-то проговорил в него.

– Не откажусь. А почему я упал? – заинтересовался Николай.

– Ортостатический коллапс. Ничего страшного. Резко встали, сердце не успело кровь пригнать. Жара, переутомление, понервничали. Вы вон как кричали на своего друга, – Той спохватился, вернулся к столу, открыл ящик и достал телефон Артура. – Вы забыли его на скамейке, дочь подобрала.

– О, спасибо. А Лиджуан ваша дочь? – уточнил Земноводный. – Но она говорила, что работает тут.

– Это правда. И я плачу ей за труд. Соответственно, и спрос одинаковый, как с других работников. Кстати, мистер Зим-най-вонг-ни, – медленно, по слогам произнёс Веньян, – извините, трудная фамилия. Надеюсь, вам понравилась наша скромная оранжерея?

– Она безупречна! Восхитительно! Коллекция бабочек просто выше всяких похвал. Это такой труд их содержать! – рассыпался Земноводный в комплиментах. – Моё вам уважение, мистер Той!

Психиатр довольно улыбнулся. Видно было, что комплимент от специалиста ему очень понравился. В это время зашла молодая женщина, которая была в палате с Николаем, и принесла на подносе чай, выпечку и сахар.

– Спасибо, Мейронг, – покровительственно кивнул доктор. – Это моя дочь, мистер. Она великолепная медсестра. Мейронг, ты можешь идти... Скажите мне, мистер, – китаец вернулся к разговору, – возможно, мне показалось, я бы хотел уточнить. Когда вы разговаривали со своим другом, вы называли имя.

– Артур, что ли? Это мой друг, да. Извините, что вы были свидетелем. Мне крайне неудобно.

– Нет, нет. Другое имя, – Тоу нервничал, кусал губы, подбирая слова. – Если это тот человек, о котором я думаю, тогда я догадываюсь о цели вашего визита.

– Раджаникант Надкарни, – медленно произнёс Николай, не веря в свою удачу. – Вы знаете его?

– Да. Я выполнил его последнюю просьбу и отправил письмо в Россию.

– Так вы и есть тот самый поверенный? Нотариус, которого не существует. И у вас хранятся дневники? – поразился Земноводный. – Я за ними и приехал.

– Записи о проклятом изобретении, погубившем моего хорошего друга!

– Рагни был и вашим другом? – растрогался Николай. – Примите соболезнования, Веньян. Но я всё-таки заберу его

вещи, если вы не возражаете. Артур Крижницкий не смог приехать и попросил меня.

– Кзи-чни-цин-кин, – кивнул доктор, – всё правильно. Ему я и писал. Значит, вы хотите забрать вещи? В таком случае, мистер, – торжественно произнёс пожилой китаец, глядя пристально в глаза своему гостю, – вы должны мне ещё кое-что сообщить.

– Конечно, господин Тоу, – улыбнулся Николай и назвал пароль.

Доктор Тоу вышел из кабинета и вскоре вернулся с небольшой коробкой и чемоданом Земноводного. Поставив всё перед профессором, он устало опустился в кресло. Некоторое время китаец молчал, затем повернулся к Николаю:

– Я не могу препятствовать воле покойного, но послушайте мой добрый совет. Это очень опасная задумка. Я не знаю деталей, Раджаникант не всё рассказывал. Мне кажется, что его прибор находит двери в другие измерения. И если это правда, вы с вашим другом можете их открыть и наслать в наш мир врагов или чудовищ.

– Как вы догадались о дверях...

– Он говорил, что будет поздно. Сетовал на ошибку портала, энергию и связь. Не спал, делал расчёты, лихорадочно писал письмо. У них с Артуром есть свой шифр, письмо было закодировано.

– А когда он умер? Давно? Полгода назад?

– Да вы что? Два месяца! И я сразу же оповестил русско-го господина. Рагни настаивал на срочности, был сильно напуган, но не являлся безумцем, поверьте психиатру. Не перебивайте, прошу. Я хочу вам рассказать о последних днях Раджаниканта.

После тех событий, покинув аномальную долину Дасюэ-шанского хребта, Рагни с трудом добрался до машины и при-ехал в Чэнду. Всю дорогу он мучительно боролся с нараста-ющей слабостью. Сердце бешено колотилось, давление пры-гало. Пару раз он останавливался, пил свои лекарства и про-должал путь. К ночи он, наконец, прибыл и позвонил своему давнему другу, частному психиатру Веньяну Тоу. Разумеет-ся, доктор не стал отказывать в помощи. Несмотря на узкий профиль его работы, изредка попадались пациенты, которым требовалась интенсивная терапия. Всё необходимое обору-дование имелось, и по приезду Рагни его быстро помести-ли в палату. Психиатру удалось стабилизировать состояние, и Раджаникант пошёл на поправку. Сердце перестало бо-леть, но сохранялась слабость, появилась тревожность. Ка-залось, учёного гложет какая-то проблема. Он стал злобным, вспыльчивым. Всё время говорил о каких-то полях и воздей-ствиях, очень обижался, если его не слушали. Периодически замыкался в себе, либо наоборот, активно порывался куда-то ехать, но Веньян не отпускал. К своему стыду, доктор начал

подозревать признаки сумасшествия у своего пациента и подумывал о специальном лечении.

А состояние больного резко ухудшалось. Рагни перестал узнавать людей, нередко впадал в прострацию и отказывался от еды. Всё закончилось тем, что наступила кома. Доктор Тоу срочно вызвал реанимационную бригаду, которая пару дней выводила Раджаниканта из этого состояния. Профессионалам удалось, Надкарни пришёл в себя. Несмотря на слабость, мыслил он быстро и чётко, признаков сумасшествия не проявлял, но был уверен в необратимости своего состояния. И тогда он рассказал Веньяну о том, что нашёл странное место в горах. Поведал о своей работе с русским физиком Артуром Крижницким. Сообщил о незавершённом приборе и попросил Тоу оповестить Артура, ссылаясь на важность своего открытия. Затем Рагни весь день писал письмо. Перед сном ещё раз побеседовал с Веньяном, распорядившись, на случай своей смерти, быстро передать Крижницкому документы и прибор. Он был категоричен, неоднократно настаивая на срочности и важности поручения. Родственников у Раджаниканта не было, он составил и подписал необходимые бумаги, назначив Веньяна своим доверенным лицом, передал ему все свои банковские счета и права на имущество. От нотариуса Рагни отказался. Вскоре его не стало... Доктор Тоу похоронил друга, посетил его дом, забрал документы и написал письмо в Россию.

– Вот так всё закончилось, – грустно проговорил Веньян. – К своему стыду, я даже не могу понять причины его смерти. Да, у него больное сердце, но состояние было стабильное, он поддерживал себя необходимой терапией. Необъяснимая тоска! Это не депрессия, нет. Поначалу я подозревал расстройство психики, но пообщавшись в последний день, твёрдо уверен, что ошибался. Рагни был здоров, но что-то сломило его! Подорвало желание жить! Такого не бывает. Не было бы, не построй он свой прибор!

– А он рассказывал что-нибудь про бабочек?

– Бабочек? – удивился доктор Тоу. – Но при чём тут бабочки? Раджаникант был физиком. Никогда не слышал, чтобы его интересовали насекомые. А почему вы спросили об этом?

– В письме Артуру он упомянул каких-то бабочек, – Земноводный решил не останавливаться на подробностях. – Простите, профессиональная привычка.

– Ах, да, – рассеянно ответил Тоу, – вы же энтомолог. Про бабочек ничего не скажу. Может, Рагни запомнилась наша оранжерея? Я только отправил письмо. Мой друг сообщил про больницу и зашифровал пароль. Вот я и придумал нота-риуса, чтобы не привлекать внимание.

– Ясно... А прибор? Он сохранился?

– В коробке. Повреждён, не включается... Давайте поступим так, – доктор повысил голос. – Забирайте вещи и везите их в Россию. Мы с вами не специалисты в этом деле,

а ваш друг им является. Изучайте бумаги, изучайте проклятый прибор, а меня оставьте в покое! – он опомнился и виновато произнёс: – Простите за резкость, мистер. Очень тяжело второй раз возвращаться к смерти друга.

– Понимаю, – ответил Земноводный, – благодарю за помощь.

– Я только выполнил его последнюю просьбу, – грустно улыбнулся Веньян. – Вы, кстати, себя хорошо чувствуете? Всё прошло?

– Разумеется. Вы чудесный доктор! Спасибо вам!

– Тогда я не буду задерживать, – психиатр приподнялся, пожимая руку Николаю. – Если понадобятся мои услуги, можете рассчитывать. Всего доброго!

– И вам, мистер Тоу, – Земноводный взял коробку под мышку, поднял чемодан и направился в оранжерею.

Глава 5. Чемодан

Вещи могут рассказать о людях значительно больше, чем люди о вещах.

Джозеф Конрад

Николай вышел в оранжерею и столкнулся с Лиджуан.

– Ой, мистер, – приветливо улыбнулась девушка, – пожалуйста, больше не падайте в обморок! Вы меня так напугали!

– Не буду, – пробормотал профессор, с изумлением разглядывая девушку. Лиджуан уже успела переодеться и выглядела очень привлекательно. На ней было простое, но элегантное голубое платье, подпоясанное тонким ремешком. Открытые белые босоножки на невысоком каблучке. Аккуратно прибранные волосы и красивая заколка в форме цветка. В общем, барышня была такая светленькая, чистенькая и опрятная, что Земноводный невольно залюбовался. Спohватившись, что так откровенно разглядывает, по сути, незнакомую девушку, он как можно равнодушнее сказал: – Красивое платье. Вы куда-то уходите?

– Нет, что вы! – смущённо возразила девушка. – Я ведь работаю. Скоро наши пациенты будут гулять, я присматриваю за ними. Прошу прощения, мистер! Возможно, вам будет неприятно видеть этих людей. Они не совсем обычные.

Земноводный понял, что его тактично выпроваживают

и поспешил присесть на скамеечку:

– Я буквально пять минут, Лиджуан! Вот только уберу бу-
маги в чемодан. Можно?

– Разумеется, – девушка взглянула на крохотные наруч-
ные часики. – Не буду мешать. Всего доброго, мистер!

– Да, да, – рассеянно ответил профессор, открывая короб-
ку, – спасибо!

Письма, дневники и расчёты уже были отсортированы по папкам, за что Земноводный от души похвалил доктора Тоу. Порядок должен быть во всём! Учёный быстро пере-
ложил папки, методично заполняя пространство чемодана. Отдельно в коробке лежал плотный пакет, размером и тол-
щиной с приличную книгу. Пакет был запечатан, Земновод-
ный не удержался и надорвал его, извлекая прибор. Поче-
му-то профессор ожидал что-то солидное, из серебристого
металла, например, и немного разочаровался. Обычная пла-
стиковая коробка с откидной крышкой. Внутри был большой
дисплей, а внизу – серия кнопок, регуляторов и переключе-
телей. «Плохо, что он неисправен, – подумал Земновод-
ный, – Дасюэшанский хребет тут совсем недалеко». Профес-
сор с сожалением закрыл коробку. Смысла нет! Он не уме-
ет пользоваться прибором. Снаружи, на крышке устройства,
было круглое углубление. Сюда неплохо бы поместить ка-
кую-нибудь массивную и хитрую эмблему. И тут Земновод-
ного посетила шальная, детская мысль, по сути. Он вспом-

нил про сувениры и нашёл среди них большой серебряный медальон с изображением дракона.

Медальон пришёлся впору, достойно украсив прибор. Профессор немного полюбовался своей работой, упаковал чемодан и направился к выходу. Он подошёл к двери и обернулся. Как жаль, что доктор Тоу не разрешает фотографировать. Ну, что поделаешь? Таковы правила! Земноводный с огорчением открыл дверь, покидая чудесную оранжерею и шикарную коллекцию бабочек.

На улице он заглянул в продуктовый магазинчик, взял бутылочку воды и пошёл дальше. Надо привести мысли в порядок. Ну вот, цель поездки достигнута, а радости нет. Как-то всё по-будничному происходит, вам не кажется? Приехал, забрал бумаги с прибором, уехал... Стоп, оборвал себя Земноводный в очередных рассуждениях. А ведь на таможне опять проблемы будут. Прибор и телефон! Их надо декларировать. Ничего не получается без консультации, обиделся профессор. Николай с раздражением сунулся в недра чемодана, отыскивая аппарат, и тут его удачно осенило. А почему он из-за этой дурацкой трубки вечно страдает? Решение проблемы перед глазами – маленький рынок напротив, где можно купить поясную сумку. А если китайцы подумают что-то плохое, смеяться начнут? Идёт профессор в пиджаке, на ремне торчит сумка. Плевать, что они подума-

ют, зато так удобнее, телефон под рукой. Всё равно придётся звонить Крижницкому. Дело серьёзное, прибор важный, Раджаникант очень сильно торопил. Профессор достал маленький блокнот, изучая расписание самолётов. Как раз сегодня будет рейс от Чэнду. Вот и отлично! Хватит прогулок, пора возвращаться домой! Земноводный быстро пробежался по рынку, купил себе вожделенную сумочку, вызвал такси и отправился в аэропорт.

– Артур, есть разговор, – Николай уже приобрёл билет и теперь прогуливался по большой площади перед аэропортом, периодически бросая взгляд на чемодан, оставленный на скамейке.

– Итак, дружище, какие у нас новости?

– Бумаги у меня, прибор у меня. Не хочу проблем с таможней. Что посоветуешь?

– Тебе отдали прибор? – даже по телефону было понятно, как разволновался Артур. – Коля, не потеряй его, прошу! Как он выглядит?

– Обычная коробка такая. Экран внутри, кнопки всякие... Никуда твой прибор не денется, – Земноводный вновь поглядел в сторону скамейки, – вот он, в чемодане лежит. Ты мне про таможню лучше расскажи.

– Чемодан рядом? Подойди к нему, положи телефон сверху.

– Зачем? – удивился Земноводный.

– Так надо! Я хочу поймать прибор. Сигнал зафиксирую!

– Доктор Тоу сказал, что он повреждён, не работает! – начал раздражаться Николай. – И как ты его зафиксируешь? Опять твои шутки дурацкие?

– Не кипятись, Коля, всё под контролем, – Артур отключился, но вскоре перезвонил: – Работает наш прибор! Вот так! Я засёк его. Ай, молодец, Рагни... Всё, выходим из спутника.

– Какого ещё спутника? – изумился профессор и уже готов был заорать, но сдержался и спокойно, удивляясь самому себе, уточнил: – Космического спутника?

– А что такого? Первый раз, что ли? – судя по тону, Артур опять злорадствует. – Правда, наших спутников сейчас нет в этом секторе, пришлось к американцу подключаться. Я тебе этого не говорил, ясно?

– Э-э-э, – промямлил Земноводный, – удивительно, конечно. И что, можно вот так просто уловить любой прибор?

– Этот можно. Раджаникант дал мне исходные частоты. Твой телефончик сбросил сигнал. Дальше дело техники. Ты про таможеню спрашивал?

– Спрашивал, – пришёл в себя профессор. – Как мне пронести прибор?

– Не переживай. Заполнишь декларацию. Там укажешь, что это какой-нибудь сейсмограф, – Артур засмеялся, – или массажёр. Без разницы. Главное, не забудь отметить в спе-

циальной графе, что это уникальный прибор. Якобы, твоё изобретение. И просто заплатишь таможенный сбор. Правда, сумма будет кругленькая, но денег хватит, – Артур вдруг торопливо крикнул: – Опа! Стоп! Подожди-ка, не отключайся. Интересно!

– Что там у тебя стряслось?

– Так, Николай, шутки в сторону. Слушай меня очень внимательно. Прямо сейчас я вижу несколько таких же сигналов.

– В мире есть подобные приборы? – быстро сообразил Земноводный и похолодел. – Утечка информации? Кто-то построил аналогичное устройство?

– Возможно, что просто совпали частоты. Но давай будем реалистами. Штаты, Япония... И ещё один в Китае, кроме нашего. Рагни, чёрт побери! А я ему поверил... Впрочем, это давние наработки, не столь важно. Я другого боюсь, – Артур помедлил. – Если кто-то догадается поискать сигналы через спутник, он тебя увидит, Коля. Будь осторожен и нигде не задерживайся. Как прилетишь, дай мне знать. Сразу же! Звони при любой проблеме, понял?

– Я понял, – мрачно ответил Земноводный, – за мной следят. Всё замечательно, да!

– Без паники! Мы справимся, Николай. Потерпи ещё немного. И не забудь...

– Купить мыло с верёвкой, – злобно пошутил Земноводный, – и вздёрнуться вон на том кривом дереве, угадал? Луч-

ше побыстрей, чтоб не мучаться!

– Тьфу на тебя! Телефон тоже задекларируй! Китайские таможенники моей болтовне не поверят, – Артур снова повеселел. – Коля, ты молодец! Ты не представляешь, как я ждал этот прибор!

Очередь медленно продвигалась. Николай Петрович нервничал и постоянно озирался. Ему всё время казалось, что за ним следят. И все вокруг знают, что лежит у него в чемодане. Все, без исключения! И тот жирный охранник, лениво взирающий на толпу (нарочито лениво, подумалось Земноводному). А может, этот молодой человек, читающий газету, на самом деле никуда не едет, а шпионит за всеми... В своих рассуждениях Николай Петрович окончательно потерял хладнокровие и выскочил из очереди. Надо привести нервы в порядок, подумалось ему. Например, можно перекусить! Он немного успокоился и направился в ресторан аэропорта. Самолёт в Россию отправляется через пару часов, ещё успеется пройти досмотр. Декларацию профессор успешно заполнил, и проблем здесь не возникло, но недавний разговор с другом не давал ему покоя. «Несколько приборов! Надо же. И спутники! Всё можно отследить, – лихорадочно думал Николай, старательно намыливая руки в уборной. – Нет, хватит дурить, парень. Это у тебя от голода нервишки шалют». Обрадованный Земноводный поспешил в ресторан.

Николай Петрович был очень бережливым и экономным. При обычных обстоятельствах он никогда бы не заказал обед в ресторане, довольствуясь простой столовской едой. Да уже и стыдно перед Артуром за потраченные деньги. Но повышенная нервозность взяла верх, и профессор махнул рукой, решив хоть напоследок побыть расточительным. Он занял свободное место за столиком. Напротив него сидела пожилая китайская женщина с чашечкой кофе. Она подняла глаза и приветливо кивнула. Земноводный рассеянно кивнул в ответ. Меню было написано на двух языках, но названия какие-то причудливые. Профессор был слабо знаком с китайской кухней, поэтому подозвал официанта и молча ткнул на первое попавшееся блюдо. Официант вежливо поклонился и ушёл. Вскоре официант вернулся, торжественно неся еду. Профессору Земноводному очень повезло, что его заказ оказался традиционным. Блюдо представляло собой тушёную свинину с капустой, приправленную уксусом и зеленью. Николай Петрович жадно принялся за обед, одобрительно кивая головой.

Через некоторое время в здании аэропорта прозвучала информация о начале регистрации на русский самолёт. Николай Петрович торопливо дожевал кусок мяса, промокнул губы салфеткой, встал и направился к месту досмотра. Что-то смущало его, но он не придал этому значения. И лишь

вопрос служащего аэропорта о багаже привёл Земноводного в чувство. Чемодан пропал! Николай Петрович не мог вспомнить, где его оставил. Он тут же вернулся в ресторан, но там официанты лишь недоумённо пожимали плечами. Никто не видел чемодана. Где же он? Испуганный Николай встал у колонны, быстро перебирая в голове все варианты. Декларацию заполнил, убрал прибор. Багаж забрал. Хорошо. Идём дальше. Дальше стоял в очереди, психанул, испугался, выбежал. Пошёл в ресторан. Но там уже смотрели, ничего нет, официанты не в курсе. Куда ещё заходил? Тьфу, ты! Перед рестораном заглянул в уборную, вымыть руки. А чемодан задвинул под раковину, чтобы не мешал. Земноводный стремительно помчался обратно. В уборной никого не было, и почему-то погасло несколько ламп. Профессор нагнулся возле своей раковины, но в полумраке ничего не увидел. Он недоверчиво помахал рукой перед собой и наткнулся на препятствие. Рука судорожно ощупала знакомую поверхность и нашла ручку. Профессор, торжествуя, извлёк свою потерю... и обомлел. Чемодан был невидимым! Земноводный даже потряс им перед зеркалом. Бесполезно! Отражения нет. Руки профессора сжимают пустоту, а глаза дико блуждают. «Это прибор, – запоздало сообразил Земноводный, – сработал прибор. Не время размышлять, пора бежать к ленте и проходить через рамку. Но сперва нужно позвонить». Убедившись, что рядом никого нет, он зажал чемодан между ног и вызвал Крижницкого.

– Времени мало, Артур, – торопливо прошептал Земноводный, – мой чемодан стал невидимым!

– Хм, интересно, – озадачился Крижницкий. – Так, успокойся. Быстро говори, когда это произошло, и что ты делал с прибором?

– Ничего не делал. Пару часов назад упаковал бумаги в чемодан, – Николай тщательно вспоминал события, пытаясь найти зацепку. – Ну посмотрел на прибор, конечно. Любопытно ведь. Но кнопочек не трогал. Вот только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.